Учредители:
Институт географии РАН
Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Главный редактор:
Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:
Артоболевский С.С. (Москва), Шувалов В.Е. (Москва), Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:
Алексеев А.И. (Москва), Бакланов П.Я. (Владивосток), Ленц С. (Германия), Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург), Касимов Н.С. (Москва), Колосов В.А. (Москва), Лаппо Г.М. (Москва), Мироненко Н.С. (Москва), Пирожник И.И. (Беларусь), Рудский В.В. (Смоленск), Сэлноу Дж. (Великобритания)

Редакционная коллегия:
Белозеров В.С. (Ставрополь), Вардомский Л.Б. (Москва), Евдокимов М.Ю. (Смоленск), Евдокимов С.П. (Смоленск), Ковалев Ю.П. (Смоленск), Кочуров Б.И. (Москва), Липец Ю.Г. (Москва), Мажар Л.Ю. (Смоленск), Сафиулин Р.Г. (Уфа), Смирнягин Л.В. (Москва), Ткаченко А.А. (Тверь), Хурский П. (Польша), Шарыгин М.Д. (Пермь), Шкаликов В.А. (Смоленск)

Ученый секретарь:
Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2,
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88,
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 20.04.07 г.
Формат 70x108 /16. Гарнитура «Times».
Тираж 500 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2.
Тел.: (4812) 68-34-79 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: unm@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2007

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

Основан в мае 2002 года

Выходит 4 раза в год

№ 3 (13), 2007

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 3

Антипова Е.А. Типологическиеподходыв изучении демографическогостарения сельского населения Беларуси 3
Antipova E.A. Typological approaches in the study of demographical ageing of rural population of Belarus 3

Носонов А.М., Евдокимов С.П. Географическаяконцепция исследованияприродногоагропотенциала 12
Nosonov A.M., Evdokimov S.P. Geographical conception of the national agro potential study 12

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ 21

Аношкин Р.В. Эволюция смертности населения Смоленскойобласти 20
Anoshkin R.V. Evolution of the mortality of the Smolensk region population 20

Баринов С.Л. Социально-экономическаяпериферийность в староосвоенных регионах Центра и Северо-Запада России 26
Barinov S.L. Socio-economic periphery in the old-settled regions of the Central and North-West Russia 26

Короленко А.Р. Экономико-географическийанализ размещения торговых сетей в городе Москве 33
Korolenko A.R. Economical-geographical analysis of trade nets allocation in Moscow 33

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА 38

Майоршина С.В. Национальныепарки США в начале XXI века 38
Mayorshina S.V. The national Parks of the USA in the beginning of the XXI century 38

Крамаренко А.В. Регион Каспийскогоморя как узел геополитическихпротиворечий 44
Kramarenko A.V. The caspifn sea region as cross-point of geopolitical contradictions 44

ХРОНИКА 51

Рудский В.В., Лысенкова З.В., Фрюауф М. Смоленск как перекресток восточно-европейской географии, истории и политики в прошлом, настоящем и будущем 51
Rudsky V.V., Lisenkova Z.V., Fruheauf M. Smolensk as a crossing of the east-european geography, history and politics in the past, present and the future 51

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 54

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

□.□.□ □ □ □ □ □ □ □
(□. □□□□□)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Antipova E.A.

TYPOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF DEMOGRAPHICAL AGEING OF RURAL POPULATION OF BELARUS

The article is devoted to the analysis of typological approaches in the study of demographical ageing into account territorial principle. The criteria of typological approaches are exposed: on the stage of demographic ageing, character of dynamics, trends of ageing on intercensus periods, intensity of process. The developed is presented on the basis of typological approaches of Belarus districts in character of demographical ageing of rural population for period from 1970 to 2006. The geographical types of different indexes of demographic ageing are graphically represented.

Демографическое старение населения является уникальной тенденцией современности, которая со второй половины XX века начала проявляться почти во всех странах Европы, Северной Америки, Японии и Австралии. 54% всех пожилых людей мира в настоящее время живут в Азии, 24% – в Европе. При общем снижении ежегодных темпов роста мирового населения до 1,2%, пожилое население увеличивается в среднем на 2% в год, а доля лиц в возрасте 80+ лет – на 3,8%. Рост пожилого населения стремительно увеличит величину медианного возраста жителя планеты с 26 лет в 2005 г. до 36 лет в 2050 г. Феноменальность роста численности и доли пожилых людей объясняет тезис о том, что XXI столетие войдет в историю как век пожилых людей. Вместе с тем, быстрый рост данной категории людей потребует перспективного экономического и социального регулирования в большинстве стран. В связи с этим демографическое старение (ДС) становится объектом изучения многих наук, а среди географов приобретают все большую актуальность исследования, связанные с изучением его территориальной дифференциации, последствий проблемы и путей решения с учетом региональных различий.

С точки зрения демографии под старением понимают увеличение относительной доли лиц пожилого возраста в общей численности населения и опережение его темпов роста по сравнению со всем населением. Наиболее существенным фактором старения населения является снижение смертности и увеличение продолжительности жизни. Главную роль в этом процессе играет также снижение уровня рождаемости, ибо чем меньше рождается детей, тем впоследствии более значительной становится доля людей старшего возраста. В результате различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения их смертности и увеличения продолжительности жизни при относительно медленном росте численности детей.

Беларусь также в конце XX века вместе со многими странами Европы вступила в этап устойчивого увеличения доли пожилого и старого населения. Первые признаки демографического старения сельского населения проявились в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Первоначально процесс демографического старения сельского населения развивался в Беларуси

«сверху», за счет стремительного оттока молодежи в города и, следовательно, увеличения абсолютной численности пожилых людей. В 1960-х гг. отток молодежи под влиянием «урбанизационного бума» продолжался, но произошли положительные сдвиги в увеличении средней продолжительности жизни сельских жителей с 70 лет в 1959 г. до 73 в 1969 г. В эти годы продолжительность жизни сельского мужчины достигла наивысшего значения – 68 лет, после чего происходило постоянное ее снижение. Продолжительность жизни сельской женщины в Беларуси также существенно увеличилась с 73 лет в 1959 г. до 76 – в 1973 г., оставаясь на таком уровне вплоть до 1989 г. Данная тенденция обеспечила дальнейшее демографическое старение сельского населения «сверху». С середины 1970-х гг. в сельской местности происходит изменение демографического режима воспроизводства: расширенный тип трансформируется в простой и практически сразу – в суженный. Изменяются репродуктивные установки сельских молодых семей: на смену 2–3-детной приходит 1–2-детная семья. За счет миграции в город резко сокращается численность фертильных контингентов в сельской местности, что незамедлительно повлекло за собой сокращение рождаемости.

В ходе этих процессов на демографическое старение «сверху» начинает накладываться старение «снизу». В 1990-е гг. процесс старения в сельской местности достигает своей кульминации: доля лиц старше трудоспособного возраста начинает превышать 30% повсеместно (в отдельных районах Витебской области – Поставский, Докшицкий, Толочинский районы – более 35%). С 1999 г. в сельской ме-стности Беларуси начинает происходить прямо противоположный процесс – при накоплении максимальной численности лиц пожилого возраста и одновременном сокращении продолжительности жизни сельского жителя в среднем на 10 лет с 1975 г. преимущественно за счет мужчин, появляется тенденция демо-графического омоложения. В основе этого процесса лежат следующие факторы:

- демографические – омоложение «снизу» за счет абсолютного сокращения численности пожилых людей;
- миграционные – появление контрпотока в ответ на «урбанистический бум» сер. 1950-х гг. молодых фертильных контингентов в сельскую местность из городской

Демографическое старение сельского населения, начавшись почти на два десятилетия раньше, чем в городской местности, характеризуется следующими отличительными чертами: 1) стадиальный характер; 2) территориальная неоднородность старения по характеру динамики и трендам старения; 3) территориальная однородность старения по интенсивности процесса; 4) снижение интенсивности демографического старения и наступление фазы демографического омоложения

Неоднородность характера, стадий развития, трендов старения и проявления региональных различий в сельской местности Беларуси на *микроуровне* (уровне отдельных административных районов) обусловили необходимость его комплексного экономико-географического изучения.

В основе исследований географической дифференциации демографического старения применяется несколько типологических подходов, которые будут раскрыты ниже.

Основными критериями типологий являются: 1) численность и доля лиц пожилого возраста; 2) стадия демографического старения (по Ж. Боже-Гарнье); 3) характер динамики старения; 4) тренды динамики по межпереписным периодам; 5) интенсивность старения (по З. Длугошу). Микроуровень исследования охватывает период 1970–2006 гг.

В возрастной структуре сельских пожилых людей Беларуси есть все группы от 55 (60) до 100 лет и более. Среди мужчин жизненный рубеж завершается в возрасте 70–74 года; до этого возраста дожили, как свидетельствует перепись 1999 года, 270 тыс. сельских мужчин или 80% лиц старше трудоспособного возраста. В более старых возрастах сохранились уже совсем малочисленные группы. Продолжительность жизни сельских женщин равномерно растянута почти до 80 лет, и даже старше 80 лет живет еще 87 тыс. сельских женщин (мужчин только 24 тыс.) [2].

Согласно переписи 1999 года, в сельской местности Беларуси проживало 1040 тыс. лиц пенсионного возраста, которые составляли 34% всех пенсионеров республики, из них 328 тыс. мужчин в возрасте 60+ лет и 712 тыс. женщин в возрасте 55 +лет.

В территориальном плане категория пожилых и старых людей распределяется также неравномерно, как и остальных возрастных групп. По данным за 2005 год, четвертая часть лиц пенсионного возраста сосредоточена в сельской местности Минской области (194 тыс.); второе

□□□□□□□ 1

□ □ □ □ □ □ □□□□□□□□

Самое старое сельское население, где доля лиц пенсионного возраста превышает 35%, имеют следующие районы Беларуси: в Гродненской – Кореличский, Новогрудский, Зельвенский, Щучинский, Свислочский, Дятловский; в Могилевской – Белыничский, в Минской – Копыльский, в Гомельской – Ветковский, в Витебской – Толочинский и Поставский. Это, как правило, типично сельскохозяйственные периферийные районы, отдавшие почти весь трудовой потенциал городам других регионам бывшего СССР. Многие из них пострадали от чернобыльской катастрофы и лишились молодых семей и детей по причине вынужденного их отселения.

В сельской местности Беларуси сохранился только один район, где структуру населения можно назвать близкой к прогрессивной – Минский. Здесь на 100 сельских жителей приходится 22 чел. в возрасте 0–15 лет, 18 чел. в возрасте старше трудоспособного и 60 чел. в трудоспособном возрасте. Еще два района – Брестский и Гомельский – имеет структуру сельского населения близкую к стационарной, где на сто жителей приходится 24 чел. в возрасте 0–15 лет, 53 чел. в трудоспособном возрасте и 23 чел. старше трудоспособного возраста.

Во всех остальных районах возрастная структура сельского населения настолько нарушенная, что приобрела все черты регрессивного типа, когда доля пожилых и старых людей превышает долю детей. В целом, доминируют районы (57 из 118), где доля лиц пенсионного возраста классифицируется как чрезвычайно высокая – более 30%.

Учитывая достаточно большую эволюционную продолжительность старения сельского населения Беларуси, для анализа этапов процесса в разрезе административных районов, была использована шкала стадий демографического старения (ДС) Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, представляющая собой интерпретацию шкалы старения ООН применительно к европейским государствам[3]. Согласно этой шкале, страна вступает в стадию преддверия демографической старости, если доля лиц в возрасте 60+ лет переступает порог 8%, а стадия собственно демографической старости наступает, когда доля пожилого населения составляет 12% в общей численности населения. С учетом географической неоднородности и различной интенсивности процесса предусмотрены несколько стадий демографического старения:

1 стадия: начальный уровень ДС – 12–14%;
2 стадия: средний уровень ДС – 14–16%;
3 стадия: высокий уровень ДС – 16–18%;
4 стадия: очень высокий уровень ДС – более 18%.

В связи с тем, что в настоящее время уровень демографического старения сельского населения Беларуси значительно превысил рубеж 18%, нами была адаптирована имеющаяся шкала следующим образом: 4 стадия: очень высокий уровень ДС – 18–30% и 5 стадия: чрезвычайно высокий уровень ДС – более 30%.

К 1970 г. старение сельского населения стало тенденцией демографического развития Беларуси. В начале исследуемого периода процесс старения сельского населения в разрезе районов был представлен четырьмя стадиями – от 1 до 4. Преобладающим по количеству был тип районов, находящихся на четвертой стадии – 98 из 118 (*табл. 3*). Географически к ней были отнесены все районы Витебской, Гродненской и Могилевской областей, большая часть районов Гомельской и Минской областей, 50% районов Брестской области. На первой, второй и третьей стадии вместе взятых находились только 19 районов из 118 (Лунинецкий, Столинский, Пинский, Ивановский, Гомельский, Мозырский, Речицкий и др.).

К их числу относились наиболее благоприятные в демографическом развитии полесские территории, южные регионы, с большим демографическим потенциалом, менее урбанизированные по сравнению с другими регионами Беларуси, отличающиеся большими по размеру и количеству детей семьями и, следовательно, большей долей молодежи в структуре населения.

Эти факторы имели компенсационный эффект на процесс демографического старения. Вторая категория районов, которая находилась на этих же стадиях, включает Минский регион (Минский, Борисовский, Солигорский и Любанский). Столичный статус территории, более благоприятный характер естественного и механического движения населения способствовали в большей степени увеличению численности молодых контингентов, нежели пожилых. В силу этого, процесс старения в этих районах перешел в четвертую стадию позднее (*рис. 1*).

За счет исторически сложившихся более высоких показателей рождаемости в сельской местности процесс демографического старения развивался только «сверху» и поэтому не достигал очень высоких отметок.

□□□□□□□ **3**

□ □ □□ □□□□ □ □□ □□ □□ □ □□□□ □□ □□ □□ □□□ □□ □ □ □
□ □ □ □□ □□ □ □□□ □ □ □□ □□ □□□□(□□)□□ □ □ □ □ □ □ □□□ □ □
(□□ □. □□□□-□□□□□□ – □. □□□□□□□)

Стадии демографического старения, %	Количество районов							Всего, %
	Области	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	
Стадия 1. Начальный уровень ДС, 12–14	1970	1	0	0	0	0	0	1/1
	2006	0	0	0	0	0	0	0
Стадия 2. Средний уровень ДС, 14–16	1970	2	0	2	0	2	0	6/5
	2006	0	0	0	0	1	0	1/1
Стадия 3. Высокий уровень ДС, 16–18	1970	4	0	6	0	2	0	12/11
	2006	0	0	0	0	0	0	0
Стадия 4. Очень высокий уровень ДС, 18–30	1970	9	21	13	17	20	20	98/83
	2006	11	5	12	4	10	12	54/45
Стадия 5. Чрезвычайно высокий уровень ДС, более 30	1970	0	0	0	0	0	0	0
	2006	5	16	9	13	11	9	64/54

К 2006 г. по сравнению с 1970 г. произошли качественные и количественные изменения в характере демографического старения сельского населения. Повсеместно увеличилась доля пожилого населения. Как видно из табл. 3, первый и третий типы районов отсутствуют, преобладающим является пятый (54 районов) и четвертый (45%) типы.

В географическом аспекте очень высокий уровень демографического старения представлен преимущественно районами Брестской и Гомельской областей, чрезвычайно высокий – Витебской и Гродненской. Исключение составляет Минский район, который остался на прежнем уровне за исследуемый период – на второй стадии.

Стадиальный характер демографического старения сельского населения выявил не только региональные типы уровня старения, но и различия в характере динамики данной категории населения за исследуемый период. Применительно к данному предметному полю все районы Беларуси были разделены на два основных типа по характеру динамики: с ростом численности лиц пожилого возраста (Тип 1) и убылью (Тип 2). В пределах типов были в свою очередь выделены подтипы в зависимости от величины значений роста или убыли (*табл. 4, рис. 2*). В качестве ключевого показателя в типологии использовался индекс динамики численности лиц пожилого возраста за период 1970–2006 гг. Как видно из табл. 4, в большинстве районов происходит убыль численности пожилого населения, что связано, в основном, с сокращением продолжительности жизни сельского населения и повышенной смертностью.

Географически данный тип представлен районами Витебской и Могилевской областей с незначительным демографическим потенциалом, средними и малыми районами Гомельской и Минской областей. Прирост численности пожилых людей характеризует, в основном, Брестскую область, а также крупные районы Гомельской, Минской и Гродненской областей.

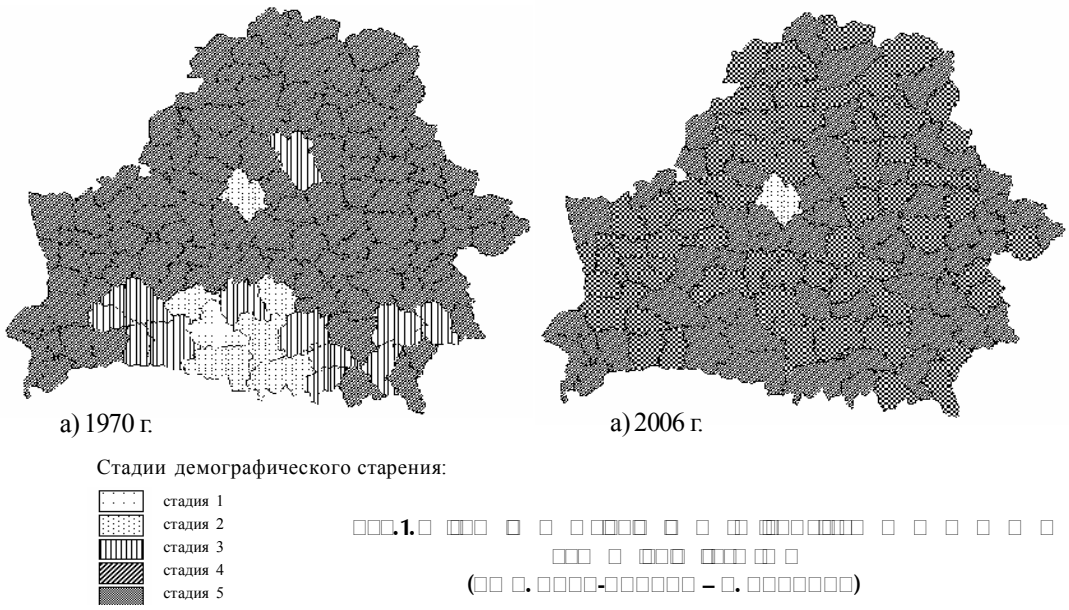


Рис. 1. [illegible]
([illegible] – [illegible])

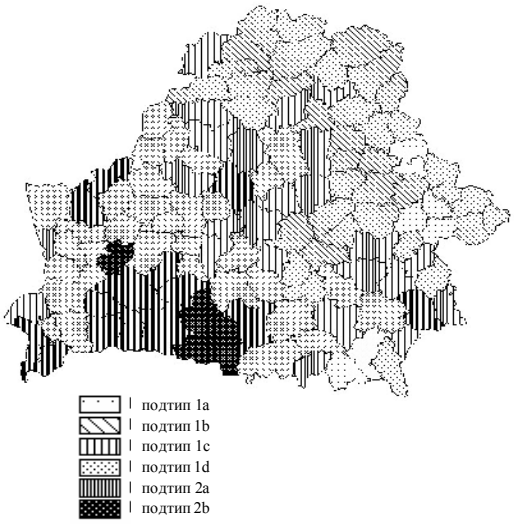


Рис. 2. [illegible]
[illegible], **1970–2006** [illegible].

Характер динамики в данном типе районов свидетельствует о проявлении демографического старения «сверху».

В Брестской области, за исключением 5 районов (Барановичский, Жабинковский, Кобринский, Пружанский), в большинстве наблюдается рост численности пожилого населения. Численность сельских пенсионеров увеличилась в среднем на 5% за 30 лет. Наибольший рост достигнут в Ганцевичском и Лунинецком районах.

В Витебской области произошло почти повсеместное уменьшение численности пенсионеров, а в таких районах, как Толочинский, Поставский, Городокский оно достигло 20–30%.

Для Гомельской области характерны контрасты в характере динамики, так как здесь присутствуют районы с ростом и убылью. Увеличилась численность пожилого населения в Гомельском и Житковичском районах, различные степени убыли (от самой большой – в Наровлянском и Хойникском, до самой незначительной – в Речицком, Мозырском, Лельчицком) представлены во всех остальных районах.

Наиболее стабильная ситуация в Гродненской области, где изменения в численности пенсионеров очень незначительны, но среди районов также выделены две группы с ростом и убылью. Ситуация в Минской области носит характер незначительного уменьшения численности лиц пожилого возраста. В Минском районе наблюдается прирост и демографическое старение «сверху».

В Могилевской области произошла самая большая убыль пожилых и старых людей повсеместно. Средний индекс динамики по области составляет 0,4. Наибольшей она была в Краснопольском, Чериковском, Славгородском, Горецком, Белыничском районах (от 30 до 40%).

Динамика этой группы населения завершается всегда одним процессом – смертностью. Поэтому от уровня смертности зависят и потери. Определенные различия внесли перемещения сельских жителей после аварии на ЧАЭС.

□□□□□□□ **4**

□ □ □□ □□□□ □ □□□□ □ □ □ □□□□□ □□ □□ □□□□ □□ □

□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□□,

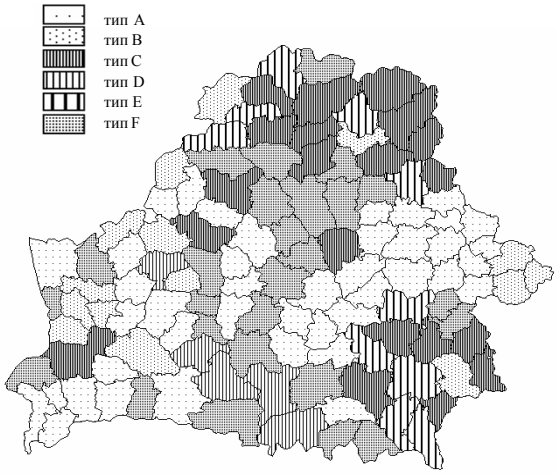
1970–2006 □□.

Типы по характеру динамики		Количество районов						Всего, %
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	
Тип 1. Убыль	**Тип 1a** Низкая, менее 0,4	0	0	2	0	0	4	6/5
	Подтип 1b Средняя, 0,4 – 0,6	0	18	4	0	0	16	38/32
	Подтип 1c Высокая, 0,6 – 0,8	1	3	8	1	11	0	24/21
	Подтип 1d Очень высокая, 0,8–1,0	4	0	5	13	10	0	32/27
Тип 1. Рост	**Подтип 2a** Низкий, менее 1,2	9	0	2	2	1	0	14/12
	Подтип 2b Средний, более 1,2	2	0	0	1	0	0	3/3

Прирост в группе происходит за счет возрастной передвижки переходных предпенсионных возрастных групп.

Общий характер динамики за 1970–2006 гг. выявил различия в тенденциях по межпереписным периодам, которые были проанализированы на основе анализа трендов. Микрогеографический уровень исследования подчеркнул территориальную неоднородность тенденций старения и позволил выделить типы трендов [1]. На основе тенденций роста, стабилизации и сокращения доли пожилого сельского населения Беларуси по межпереписным периодам (1970–1979, 1979–1989, 1989–1999, 1999–2006 гг.) все встретившиеся сочетания знаков (рост (+), стабилизация (С), убыль (-), были объединены в 6 типов трендов (*табл. 5, рис. 3*).

Как видно из табл. 5, большинство районов Брестской области имело сокращение доли лиц пожилого возраста до 1979 г. Эта тенденция объясняется благоприятным режимом демографического развития сельской местности области, более высокой рождаемостью, снижением смертности, репродуктивными установками на 2–3-детную семью и, как следствие, преобладанием в структуре населения молодых



□□□. **3.** □□□ □□□ □ □□ □□ □□□□□□□ □ □ □ □ □ □

□□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□,

1970–2006 □□.

возрастных групп над более старшими. Такая тенденция характерна также для большинства районов Могилевской и многих районов Минской и Гродненской областей.

Рост доли пожилого населения до 1989–1999 гг. представлен в трех типах районов. За счет внутренней миграции молодого трудоспособного

□□□□□□□5

□ □□□□□ □ □□□□ □□ □ □□□□□□□□ □ □□□□ □□□ □□
□□□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□, **1970–2006 □□.**

Тип тренда	Направление вектора сдвига ДС по периодам				Характеристика вектора сдвига	Количество районов						
	1970–1979	1970–1979	1970–1979	1970–1979		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Всего
A	У	Р	Р	У	Сокращение доли пожилого населения до 1979 г, рост до 1999 г. с последующей убылью	9	0	2	6	7	17	41
B	У	Р	Р	С	Сокращение доли пожилого населения до 1979 г., рост до 1999 г. с последующей стабилизацией	1	2	1	8	0	3	15
C	Р	Р	Р	У	Рост доли пожилого населения до 1999 г. с последующей убылью	1	10	6	0	3	0	20
D	Р	Р	Р	С	Рост доли пожилого населения до 1999 г. с последующей стабилизацией	2	0	2	1	0	0	5
E	Р	Р	У	У	Рост доли пожилого населения до 1989 г. с последующей убылью	0	5	5	0	0	0	10
F	С	Р	С	У	Стабильная доля пожилых лиц до 1979 г., рост до 1999 г. с последующей убылью	3	4	5	2	12	0	26

Примечание: Р – рост доли пожилого населения,
С – стабилизация доли пожилого населения,
У – убыль доли пожилого населения

населения в города, экологической миграции, перехода режима воспроизводства от расширенного к суженному большинство районов данных типов географически находятся в мелкоселенной Витебской и пострадавшей от аварии на ЧАЭС Гомельской областях.

Стабильная доля пожилых людей до 1979 г., в основном, характерна для крупных и средних районов Минской области по демографическому потенциалу. В то же время данная тенденция характерна и для малых и мелких районов Витебской и Гомельской областей. Начиная с 1999 г., тренд демографического старения сельского населения Беларуси представляет собой в большинстве типов убыль доли пожилого населения, что объясняется, с одной стороны, сокращением за счет смертности и уменьшения продолжительности жизни, с другой стороны, за счет некоторого омоложения возрастной структуры вследствие увеличения рождаемости в некоторых районах Брестской и Гомельской областей.

Для получения комплексной характеристики демографического старения с учетом территориального подхода был произведен расчет интенсивности демографического старения (по З. Длугошу) с последующей разработкой типологии районов.

Данная методика предполагает расчет коэффициента демографического старения по следующей формуле:

$$W_{ag} = \left[U_{(0-14)t} - U_{(0-14)t=n} \right] + \left[U_{(65+)t+n} - U_{(65+)t} \right]$$

где $U_{(0-14)t}$ – доля лиц в возрасте до 14 лет в начальный период, $U_{(0-14)t+n}$ – доля лиц с численностью до 14 лет в конечный период, $U_{(65+)t}$ – доля лиц в возрасте 65+ лет в начальный период, $U_{(65+)t+n}$ – доля лиц в возрасте 65+ лет в конечный период [5].

□□□□□□□ **6**

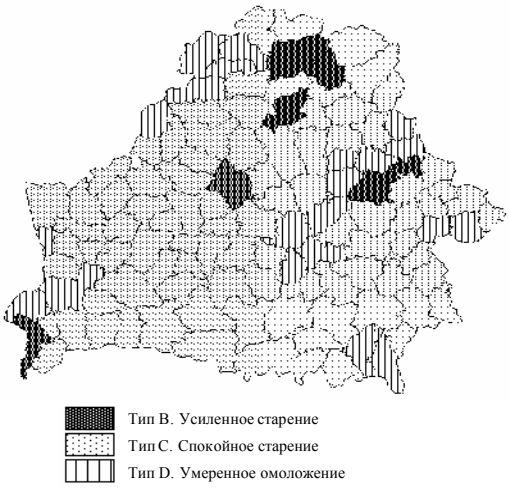
□ □□□□□□□ □□□□□□ □□ □ □□□□□□□□□ □□□□ □□□□ □□ □□ □□ □□
□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ (□□ □. □□□□□□□)

Тип интенсивности ДС	Области						
	Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	Всего, %
Тип B. Усиленное старение	1	3	0	1	1	2	7
Тип C. Спокойное старение	13	13	19	15	21	11	102
Тип D. Умеренное омоложение	2	5	2	2	0	8	19

Полученные в ходе расчета значения имеют привязку к 0, отрицательные значения свидетельствуют о тенденции и интенсивности омоложения, положительные – о тенденции и интенсивности старения. Теоретически выделяют 8 типов интенсивности демографического старения: A – несдержанное старение, B – усиленное старения, C – спокойное старение, D – умеренное омоложение, E – несдержанное омоложение, F – усиленное омоложения, G – спокойное омоложение и H – умеренное старение.

Проведенные расчеты позволили выделить на территории сельской местности Беларуси три типа районов по интенсивности демографического старения: B, C и D (*табл. 6, рис. 4*).

Как видно из табл. 6, преобладающий тип интенсивности – C – спокойное старение (102 района из 118). Выявленная территориальная однородность свидетельствует об эволюционном демографическом переходе кульминации старения на макроуровне и постепенном начале омоложения возрастной структуры сельского населения. К типу районов с усиленным старением отнесены крупные по демографическому потенциалу районы (Брестский, Полоцкий, Минский, Могилевский), в которых еще доминирует процесс демографического старения «сверху», за счет более высокого уровня социально-экономического развития, уровня медицинского обслуживания в типично урбанизированных районах и как следствие, увеличение продолжительности жизни. Умеренное омоложение характерно, наоборот, для мелких и малых районов Витебской, Гродненской



□□□. **4.** □□□□□□□□□□ □□□□□□□ □□□□□□ □□
□□ □□ □□ □□ □□ □□□□□□□□□□□□□□ □□□□
□ □□□□□□□□□ □ □□□□□□□□□□□□□
(□□ □. □□□□□□□)

областей, где из-за сокращения средней продолжительности жизни сельских жителей и высокой смертности создается незначительное преобладание молодежи, а также для отдельных районов Гомельской и Могилевской областей (Хойникский, Брагинский, Краснопольский и др.), где в последние годы наблюдается повышение уровня рождаемости населения, в том числе за счет внешних мигрантов, переехавших в Беларусь на постоянное место жительства из районов с более высокими репродуктивными установками.

Таким образом, проведенное исследование способствует развитию методологии экономико-

географическогоизучения актуальнойпроблемы народонаселения– демографическогостарения – на основе принципа территориальности с использованиемтипологическихподходов, выявляя региональные различия и географические закономерности Применение стадиально-эволюционного подхода и анализа интенсивности процесса позволяет делать выводы о возможных перспективах демографического старения страны. В свою очередь использование типологических подходов в географии старения предоставляет возможность для разработок региональных программ государственного регулирования социально-демографических процессов и оптимизации среды жизнедеятельности страны.

1. Бородина Т.Л. Типология трендов динамики населения регионов России (1959–2002 гг.) // Известия РАН. Серия географическая. – 2004. – № 6. – С. 67–79.
2. Манак Б.А., Антипова Е.А. Демогеографические потери и современные трудоресурсные возможности сельской местности Беларуси. – Мн., 2002. – 224 с.
3. Медков В.М. Демография. – Ростов-на-Дону, 2002. – 128 с.
4. Население Республики Беларусь. Статистический сборник. – Мн., 2006. – 295 с.
5. Diugosz Z. Pryba okreњlenia zmian starouci demograficznej Polski w ujкciu przestrzennym // Wiadomouci statystyczne. (Warsawa). 1998. – T. 43. – № 3. – s.15–27.

□.□. □□□□□□□, □.□. □□ □□□□□□
(□. □□□□□□□, □□□□□□□□)

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИРОДНОГО АГРОПОТЕНЦИАЛА[1]

Nosonov A.M., Evdokimov S.P.

GEOGRAPHICAL CONCEPTION OF THE NATIONAL AGRO POTENTIAL STUDY

In the article necessity of the complex approach to the analysis of natural potential of territory is proved and available methodical and methodological questions of the given estimation are analyzed.

В наше время географическая наука, обслуживающая практические требования разных отраслей хозяйства и культурные запросы человечества, превратилась в разветвленную систему наук, структура которой непрерывно усложняется. Но в географическую науку с самого начала ее зарождения наряду с сильными тенденциями к специализации и дифференциации научных знаний был заложен и крупный потенциал к сохранению ее единства (целостности). Этот потенциал включает три основных принципа, на которых основывались географические знания – *регионализма, экологизма, антропогенизма.*

Принцип регионализма *заключается в том, что исходным объектом географического изучения и описания служит конкретная территория (регион), для которой характерны определенный комплекс природных феноменов, население и созданное им хозяйство.* Не касаясь сейчас сложной проблемы генетических (причинно-следственных) связей между этими группами природных, социальных и экономических явлений, нужно сказать, что все эти явления в границах региона включались в полное географическое изучение и описание. Взятые же в совокупности, они представляли собой определенное региональное (пространственное) единство. Именно это единство, прежде всего, заставляло географов исследовать их как региональную (территориальную) систему. Отсюда рождалось то первостепенное внимание, которое всегда уделялось в географии проблемам комплексного (т. е. целостного) географического разделения (районирования) территории, методам изучения и

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 06-05-65012.

характеристики всей системы природных, экономических и социальных явлений, свойственных тем или иным регионам, для практического использования таких научных материалов.

Принцип экологизма *заключается в признании взаимной связи и обусловленности многих изучаемых объектов.* Наиболее яркое и последовательное приложение принцип экологизма получил в выдвижении и разработке учения о природных зонах и природных ландшафтах.

Наиболее актуальна в настоящее время и в дальнейшем развитии географических исследований роль **принципа антропогенизма.** Современная конструктивная география должна взять на себя ответственность за разработку всех сложных и взаимообусловленных проблем рациональной эксплуатации естественных ресурсов Земли, сохранения и целенаправленного преобразования природной среды. География должна превратиться в совершенно новую науку, основой которой будет генеральная теория планомерного преобразования и управления природной средой в интересах дальнейшего существования и развития человечества.

Рассмотрение принципа регионализма показывает особую роль проблемы географического пространства. Она в последнее время привлекает к себе внимание многих исследователей, которые сходятся на том, что каждому географическому явлению и процессу соответствует собственное пространство, обладающее уникальным своеобразием. Весь опыт географии убеждает нас в том, что именно описание и исследование пространственных форм, пространственных различий и сходств, пространственных отношений, наконец, было предметом интересов географии. В ряде работ отечественных и зарубежных классиков географической науки было показано, что задачей или предметом исследования всех географических наук является пространственная организация геосистем – естественных, социальных, социально-природных, то есть систем, принадлежащих земной поверхности. Подобная задача не выходит за пределы классической географической триады: природа – население – хозяйство. Речь идет об изучении пространственных связей и отношений.

Поскольку все реальные объекты и процессы имеют пространственные характеристики, постольку почти все науки, так или иначе, рассматривают пространственный аспект своих объектов. В некоторых науках ведутся глубокие исследования сущности специфического пространства – физического, геологического, биологического. Однако с чисто земными пространствами, которые часто называют регионами, имеет дело более ограниченный круг общественных и естественных наук. С региональными проблемами часто сталкивается и практическая сфера человеческой деятельности – планирование, распределение, обслуживание и др. Поэтому региональный подход стал одним из важнейших подходов в науки и практики. Однако традиционно региональный подход лучше всего развит в географической науке. Именно здесь наиболее полно развиты и разработаны сравнительно-пространственный метод и метод районирования самых различных явлений, имеющих место на земной поверхности.

Нашей задачей является теоретическое обоснование оптимизации использования природного агропотенциала путем разработки концептуальных основ и новых методологических подходов к оценке его эффективности и определения экологически и экономически обоснованных вариантов взаимодействия природных и производственно-территориальных систем. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Обоснование применения к решению поставленных задач дискретных и непрерывных методов анализа данных: информационного, непараметрических методов анализа связей, многомерного шкалирования, факторного анализа, кластер-анализа, дисперсионного, регрессионного методов.

2. Создание теоретической модели (идеализированной схемы) комплексного районирования сельской местности с применением современных вероятностно-статистических, картографических и географических методов и средств ГИС, в целях оптимизации использования природного агроресурсного потенциала и выработка рекомендаций по использованию сети (сетки) районов, которая отражает иерархичность пространственных систем.

3. Обоснование таксономии и типологии физико-географического районирования – от ландшафтов до провинций и подпровинций с учетом антропогенного воздействия.

4. Физико-географическое (ландшафтное) районирование, носящее специальный характер в интересах ведения сельского и лесного хозяйства и рекреационной деятельности.

5. Рекомендации по оптимизации использования природного агропотенциала.

Результатомявляется разработка районирования сельской местности с применением современных географическихметодовиГИС-технологий в целях оптимизации использования природного агроресурсного потенциала.

Типологическийподходк изучениютерриториальной организации сельской местности связан с разработкой методов выявления сочетаний и соотношенийосновных функционально-территориальныхсистем производства, расселения населения и инфраструктуры Производственные функции выступают в качестве важнейшей основы формирования тех или иных типов сельской местности. Предпосылкой для типологического изучения сельской местности являются аналитические исследования территориальных проблем развития сельского, лесного хозяйства, других производственных функций, а также изучение систем расселения, обслуживание сельского населения, рекреации и других ее аспектов. Выделяемые районы рассматриваются как сложная интегральная система, которая формируется на основе синтеза природных, производственных и социальных блоков.

Для развития различных отраслей народного хозяйства требуетсяобычно не какой-то один вид природных ресурсов, а совокупность нескольких видов. При изучении влияния природных факторов на специализацию хозяйства «необходимо брать весь комплекс важных в данном отношении природных факторов и рассматривать их в определенном конкретно данном сочетании» [2, с. 46]. Существуетизвестное противоречиемежду приоритетным значением хозяйственной оценки природных ресурсов для отдельных отраслей народного хозяйства и очень слабой разработанностью (в силу большой методологической сложности) этой актуальной оценочной проблемы.

Природные ресурсы являются составной частью сложных территориальныхприродных комплексовразличного таксономическогоранга, для которыххарактерна относительная однородность, которая уменьшается по мере перехода на более высокий иерархический уровень. В пределах этих целостных систем имеется определенноесочетание разных видов природных ресурсов или модификаций одного вида ресурсов. Такие сочетания в современной географической науке получили название *территориальные сочетания природных ресурсов (ТСПР)*. Под ними понимаются «источники ресурсов различного вида, расположенныена определенной целостной территории и объединяемые фактическим и перспективным совместным использованием в рамках единого производственно-территориального комплекса» [9, с. 237]. Опыты оценки территориальных сочетаний природных ресурсов очень малочисленны и достаточно разработанные методики оценок этого вида отсутствуют

Территориальные сочетания природных ресурсов являются объективной основой формирования отраслевых и интегральных экономических районов. По Н.Н. Колосовскомуосновой географического процесса районообразования является *производственно-территориальное сочетание*, под которым он понимал организованный общественный человеческий труд с энергетическим и машинным вооружением, приложенный к определенному сочетанию природных ресурсов. Большое значение территориальных сочетаний природных ресурсов как главного районообразующегофактора в дальнейшем было развито в концепцииэнергопроизводственных циклов, в основе которых, по сути, лежат природные ресурсы. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в учении о территориально-производственных комплексах, где благоприятное сочетание природных ресурсов рассматривается как один из факторов их дополнительной экономическойэффективности [7].

Некоторые авторы считают, что содержание понятия ТСПР максимально приближено к понятию природно-ресурсный потенциал территории в пределах территориально-производственных комплексов. В этом смысле первую категорию целесообразно рассматривать как основной структурныйэлемент природно-ресурсногопотенциала территории [13].

В современной географической литературе для обозначения сочетаний природных ресурсовболее распространено понятие *природно-ресурсный потенциал* (ПРП). В самом широкомсмысле ПРП понимается как способность экосистем без серьезного для себя ущерба отдавать необходимую человечеству продукцию или производить полезную для него работу в конкретный исторический период. Определение ПРП как теоретически предельного количества природных ресурсов, которое может быть использовано человечеством без нарушения условий существованияи развития общества, дано Н.Ф. Реймерсом [11], где главное внимание уделяется экологическимаспектам использования природного потенциала.

В географических исследованиях понятие ПРП приобретает иной смысл. Одно из первых определений ПРП было дано Ю.Д. Дмитревским [3, 4]. Под ПРП он понимал совокупность природных ресурсов территории, доступную для использования при данном уровне развития техники, технологии и экономических отношений. В дальнейшем распространение этого понятия в географических исследованиях привело к более разнообразному его толкованию. В справочных изданиях словом «потенциал» обозначается совокупность всех возможностей, средств, запасов, которые имеются в наличии или могут быть использованы в перспективе. Н.Г. Игнатенко, В.П. Руденко[5], проанализировав использование термина «потенциал» в географической и экономической литературе, выявили наиболее распространенные смысловые значения этого понятия как совокупности, мощности, возможности, способности, потенции, производительности, эффекта. Сами авторы определяют ПРП как показатель, характеризующий совокупность естественных ресурсов и их совокупную производительность. В.А. Клочков под природно-ресурсным потенциалом понимает «совокупность ресурсов, которая расположена в границах определенной территории, используется в народном хозяйстве или может быть вовлечена в хозяйственный оборот при современном уровне развития производительных сил» [6, с. 107]. По мнению Н.В. Соколовой, приведенные выше определения ПРП не раскрывают полностью его содержания. По ее определению, ПРП территории – «это способность ее природных богатств обеспечивать современные и перспективные потребности общественного производства и населения на данном уровне развития науки и техники» [13, с. 126].

Нерешенным остается также вопрос разграничения понятий «природный потенциал» и «природно-ресурсный потенциал». В большинстве случаев они рассматриваются как синонимы. В ряде работ ПРП отождествляется с природно-экономическим потенциалом. Хотя, очевидно, что величина ПРП определяется техническими, экономическими, экологическими и другими факторами, сущность этого понятия имеет природный характер. Мы предлагаем различать эти понятия, исходя из определения природных условий и ресурсов, предлагаемого А.А. Минцем.

В соответствии с этим под природным потенциалом будем понимать совокупность природных условий и ресурсов, используемых в настоящее время, и потенциальных ресурсов, еще не вовлеченных в хозяйственный оборот по экономическим, техническим и технологическим причинам. Природно-ресурсный потенциал включает в свой состав только освоенные природные ресурсы.

Изучение ПРП включает в себя определение его величины – количественного выражения совокупности природных ресурсов, и структуры – соотношения между отдельными видами природных ресурсов на определенной территории [3]. Природный потенциал территории отличается известным динамизмом. По мере совершенствования технологических и технических основ общественного производства его структура и величина изменяется. Эти изменения могут проявляться как в вовлечении в хозяйственный оборот новых ресурсов (в результате освоения новых земель, увеличения КПД фотосинтеза, строительства оросительных систем и т. п.), так и изъятия из промышленного и сельскохозяйственного использования части природных ресурсов, например, в результате нерационального использования земель. Величина отдельного вида ресурсов и природного потенциала может быть определена лишь на каждый конкретный момент времени. Поэтому при изучении ПРП возникает необходимость выявления и учета временных закономерностей его изменения.

Использование природного потенциала осуществляется в процессе обмена веществом и энергией между природой и обществом и приводит к формированию и развитию определенных *ресурсных циклов*. Под ресурсным циклом И.В. Комар понимал «совокупность превращений и пространственных перемещений определенного вещества или группы веществ, происходящих на всех этапах использования его человеком, включая его выявление, подготовку к эксплуатации, извлечение из природной среды, переработку, потребление, возвращение в природу и протекающих в рамках общественного звена общего круговорота данного вещества или веществ на Земле» [8]. Ресурсные циклы различаются по виду главного участвующего в них вещества или сочетания веществ. Использование природных ресурсов в рамках ресурсных циклов включает следующие этапы: выявление природных ресурсов, их изучение и оценку, подготовку к эксплуатации, извлечение необходимых обществу исходных природных веществ из окружающей

среды после предварительного придания формы, пригодной для дальнейшего использования, как это происходит, например, в земледелии.

Среди основных шести ресурсных циклов И.В. Комар выделяет два цикла, связанные с использованием сельскохозяйственных ресурсов: цикл почвенных, климатических ресурсов, сельскохозяйственного сырья и цикл ресурсов фауны и флоры с серией подциклов, развивающихся на базе биологических ресурсов вод, ресурсов охотничьего хозяйства и полезных дикорастущих плодов и растений.

Развивая концепцию ресурсных циклов, Ю.Г. Саушкин предлагает *концепцию географических циклов*, «в которых жизнь людей, производственные процессы, ожидаемые и предвиденные их последствия сложным образом входят в геохимический круговорот веществ, во влагооборот, в газооборот, в биогенетические циклы и другие природные круговороты и в той или иной степени видоизменяют их» [12, с. 6]. Автор выделяет совокупность географических циклов, связанных с земельными ресурсами: цикл пастбищного экстенсивного скотоводства, лесохозяйственный цикл, цикл неорошаемого земледелия и интенсивного земледелия и животноводства, мелиоративные циклы (на осушенных болотах, на орошаемых землях), плантационный цикл.

Оценка ПРП является важной предпосылкой решения вопросов оптимизации территориальной организации народного хозяйства, выявления региональных различий в эффективности производства, определения путей рационализации использования природных ресурсов. В конечном итоге определение хозяйственной ценности отдельных природных ресурсов и их совокупности является основой гармонизации взаимоотношений общества и природной среды.

Однако реализация оценочного подхода сдерживается слабой разработанностью (или вообще неразработанностью) многих теоретико-методологических и методических проблем. Сложной является проблема сопоставимости результатов покомпонентной оценки ПРП, а также соизмерение показателей внутри отдельных компонентов ПРП (например, при оценке агроклиматических ресурсов актуально приведение к единым показателям запасов тепла, влагообеспеченности и др.). Еще более сложной является сопоставимость данных оценки отдельных компонентов ПРП и определения его структуры, которые исчисляются в виде самых различных единиц измерения – относительных (баллах, процентах), энергетических, абсолютных (стоимостных), натурально-вещественных, а также при помощи разнообразных коэффициентов, индексов и т. д. К этому следует добавить принципиальную невозможность стоимостной оценки некоторых видов природных условий и ресурсов (например, литолого-геоморфологических условий, некоторых компонентов агроклиматических ресурсов, привлекательности ландшафтов). На стоимостную оценку ПРП накладывается также динамика мировых и внутренних цен.

Важной методологической проблемой оценки ПРП является получение итоговых результатов. В большинстве случаев интегральный ПРП исчисляется как простая сумма баллов покомпонентной оценки. Однако еще Аристотель отмечал, что целое больше суммы его частей. С позиции системного анализа ПРП является системой, обладающей эмерджентностью, т. е. свойствами, не присущими ее отдельным компонентам. В экономико-географическом смысле это выражается в учете дополнительного экономического эффекта, получаемого при использовании совокупности природных ресурсов.

Неоднозначно решается вопрос определения весовых значений показателей покомпонентной оценки ПРП. Для этой цели используют либо математико-статистические методы, либо просто рассчитывается доля оцениваемого показателя по отношению к среднему уровню. Весьма сложен вопрос отбора наиболее значимых элементов покомпонентной оценки ПРП. Обычно для этого применяются методы многомерной математической статистики (факторный анализ), а также корреляционный и дисперсионный анализ. Разнообразие используемых методов (часто без обоснования их выбора) приводит к усложнению сопоставимости оценочных результатов.

При осуществлении оценочных работ на разных территориальных уровнях возникает проблема отбора системы показателей, характеризующих различные иерархические уровни ПРП. При этом важно обоснование границ исходных территориальных оценочных районов. В силу специфики сочетаний природных ресурсов границами оценочных районов должны стать физико-географические рубежи. В то же время оценка отдельных компонентов ПРП осуществляется в рамках административных единиц.

И, наконец, самая важная проблема оценки природно-ресурсного потенциала – *использование*

оценочных данных для обоснования территориальной организации различных отраслей народного хозяйства. Особенно актуально это для тех отраслей экономики, производство в которых значительно зависит от природных факторов и основано на использовании площадных ресурсов (сельское и лесное хозяйство, рекреационная деятельность). Оптимальность территориальной структуры этих отраслей во многом определяется эффективностью использования природно-ресурсного потенциала территории.

Наиболее разработаны вопросы поэлементной оценки ПРП территории. Для этой цели широко применяются методы *балльной оценки*. Между тем вопросы построения балльных шкал разработаны в недостаточной степени. Под баллом понимается порядковый номер группы ранжированных однородных явлений, характеризующихся определенными интенсивностью и выраженностью [1]. При помощи шкалы баллов изучаемые объекты и явления подразделяются на несколько групп. Таким образом, балльные шкалы используются для систематизации и классификации явлений, а также для целей оценки. Использование баллов при оценке ПРП обусловлено необходимостью сопоставления оценочных признаков, выраженных в разных размерностях. Если оценочные признаки, выраженные в баллах, имеют одну направленность, то их синтетическая оценка не представляет особых трудностей. В большинстве же случаев эти признаки разнонаправлены и тогда следует выбрать ведущий (индикационный) признак, остальные являются иллюстративными; они могут быть учтены с помощью специальных поправок.

Балльные оценки обладают известным субъективизмом. Для преодоления субъективизма балльных оценок используются различные методы: равномерные, расширяющиеся, сужающиеся, алгебраические балльные шкалы [1]. Границы интервалов определяются по характерным перегибам кривой при условии, чтобы оценочная балльная шкала состояла из определенного количества ступеней [14]. Для корректировки полученных балльных оценок используются также экспертные методы. Большую достоверность результатам балльной оценки придает определение коэффициентов взвешивания. Необходимость взвешивания обусловлена тем, что на природные ресурсы действует множество факторов, влияние которых неравноценно. Эти коэффициенты оцениваются в экспертном порядке; приданием веса обратного рангу показателя; в результате проведения дисперсионного анализа, при помощи коэффициентов корреляции; отбором только главных факторов и признанием их равнозначными и другими способами. Для расчета балльных оценок используются также методы многомерной математической статистики [10].

Таким образом, метод балльных оценок имеет много недостатков, и его использование обусловлено невозможностью применения других приемов сопоставимости данных по компонентной оценки природных ресурсов. В то же время большие возможности для его совершенствования, повышения уровня объективности представляют математические методы.

Стоимостные оценки природных ресурсов даются при их экономической оценке. В настоящее время наиболее разработанными являются методы оценки таких видов природных ресурсов, как минерально-сырьевые, топливно-энергетические, лесные, водные (гидроэнергетические и ирригационные) и земельные. Различные подходы к экономической оценке природных ресурсов (ЭОПР) обобщены А.А. Минцем. В качестве содержания ЭОПР он рассматривает «учет влияния закономерных территориальных различий в природных свойствах этих ресурсов и их источников на производительность труда» [9, с. 73]. Объектом оценки являются соответствующие компоненты природы (почвы, полезные ископаемые, леса и т. п.). Критерием оценки Минц считает сравнительную экономическую эффективность использования отдельных видов природных ресурсов и их сочетаний, что выражается в различиях затрат материальных и трудовых ресурсов. Показателями экономической оценки предлагается считать экономические показатели производства первичных продуктов, получаемых в результате использования оцениваемых ресурсов. В настоящее время основными показателями ЭОПР служат стоимость валовой продукции, чистый доход, окупаемость затрат, дифференциальный доход, дифференциальная рента и др.

Наиболее разработаны в настоящее время методы экономической оценки отдельных видов природных ресурсов. Результаты поэлементной ЭОПР являются важной предпосылкой интегральной оценки и имеют большое самостоятельное значение для решения таких вопросов, как нахождение наилучших вариантов размещения различных отраслей народного хозяйства на основе сопоставления результатов

хозяйственной деятельности предприятий соответствующих отраслей. В то же время использование различных методологических подходов при экономической оценке различных видов природных ресурсов затрудняет их сопоставимость при осуществлении их комплексной оценки.

При поэлементной экономической оценке необходимо учитывать следующие особенности природных ресурсов: их деление на возобновимые и невозобновимые; неоднородность продукции, получаемой при использовании различных природных ресурсов; территориальные формы и географическое положение источников ресурсов.

Таким образом, экономическая оценка отдельных видов природных ресурсов учитывает два основных показателя: уровень производительности труда при использовании данного источника природных ресурсов и величину (мощность, размер, объем) источника На первый показатель оказывают влияние природные свойства оцениваемого источника, природные и экономические условия районов. Второй может выступать как самостоятельная величина, так и фактор, влияющий на производительность через концентрацию производства.

Имеются опыты комплексной стоимостной оценки территориальных сочетаний промышленных природных ресурсов, природно-ресурсного потенциала отдельных регионов. Обозначились три направления в экономической оценке ТСПР: 1) оценка методом характеристики отдельных элементов сочетания; 2) оценка по сравнительной эффективности использования ТСПР; 3) оценка сочетаний методом определения суммарного потенциала.

Первый метод заключается в простом суммировании результатов поэлементной оценки природных ресурсов. При этом не может быть оценен дополнительный экономический эффект от совместного использования ресурсов. Однако в этом случае обеспечивается сопоставимость оценок по всем территориальным объектам. Второй метод позволяет учитывать дополнительный экономический эффект комплексного использования ресурсов. Предметом оценки в этом случае является сопоставление эффективности различных вариантов использования сочетаний природных ресурсов и сравнение их с оптимальным. Третий подход позволяет учитывать абсолютную народнохозяйственную ценность сочетаний ресурсов в зависимости от их структуры

Оценка природных ресурсов и их территориальных сочетаний в энергетических показателях не получила широкого распространения в силу нерешенности многих методологических и методических вопросов аналогичных тем, которые возникают при экономической оценке (невозможности энергетического выражения отдельных оценочных показателей). Однако использование энергетических показателей при оценке природных ресурсов позволяет избежать проблем, связанных с искажением стоимостных показателей в результате диспаритета цен, инфляции.

Таким образом, комплексный подход к оценке природного потенциала территории является необходимым условием обоснования оптимальной территориальной организации различных отраслей народного хозяйства. Между тем существует множество слабо разработанных или вообще нерешенных вопросов, связанных с оценкой природного потенциала территории. Это требует разработки новых подходов к поэлементной и интегральной оценке ПРП территории на основе методов традиционных, а так же математического и картографического моделирования.

1. Арманд Д.Л. Наука о ландшафте (основы теории и логико-математические методы) / Д.Л. Арманд. – М.: Мысль, 1975. – 287 с.
2. Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии / Н.Н. Баранский. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
3. Дмитревский Ю. Д. Природно-ресурсный потенциал и природно-ресурсное районирование / Ю.Д. Дмитревский // Географические исследования регионального природно-ресурсного потенциала. – Саранск, 1991. – С. 13–20.
4. Дмитревский Ю.Д. Природный потенциал и его количественная оценка / Ю.Д. Дмитревский // Изв. ВГО. 1971. Вып. 1. – С. 41–47.
5. Игнатенко Н.Г. Природно-ресурсный потенциал территории: географический анализ и синтез / Н.Г. Игнатенко, В.П. Руденко. – Львов: Вища школа, 1986. – 163 с.
6. Клочков В.А. Определение природно-ресурсного потенциала территории как элемент оптимизации природопользования / В.А. Клочков // Территориальная организация общества и управления в регионах. – Воронеж, 1996. – С. 107–109.

7. Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – М.: Мысль, 1969. – 336 с.
8. Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы / И.В. Комар. – М.: Наука, 1975. – 205 с.
9. Минц А.А. Экономическая оценка естественных ресурсов / А.А. Минц. – М.: Мысль, 1972. – 304 с.
10. Носонов А.М. Земледелие и животноводство Европейской России: эволюция, территориальная концентрация и эффективность / А.М. Носонов. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1997. – 124 с.
11. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология / Н.Ф. Реймерс. – М.: Россия молодая, 1992. – 366 с.
12. Саушкин Ю.Г. Географические циклы круговоротов веществ / Ю.Г. Саушкин // Вестн. Москов. ун-та. Сер. геогр., 1978. № 4. – С. 3–11.
13. Соколова Н.В. Природно-ресурсный потенциал территории: содержание понятия, методы оценки / Н.В. Соколова // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 7. 1988. Вып. 3. – С. 125–130.
14. Тикунов В.С. Моделирование в социально-экономической картографии / В.С. Тикунов. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. – 280 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

□.□. □ □□ □□
(□. □□□□□□□□)

ЭВОЛЮЦИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Anoshkin R.V.

EVOLUTION OF THE MORTALITY OF THE SMOLENSK REGION POPULATION

In this article the basis aspects of demographic development of Smolensk area are analyzed. The special attention is given to dynamics of death rate of the population for last hundred years and to the factors determining it.

Демографический кризис, разразившийся в России в начале 1990-х годов, в Смоленской области проявился в резком снижении рождаемости, росте смертности и заболеваемости, стагнации продолжительности жизни населения на фоне ухудшающейся социально-экономической ситуации.

Смоленская область относится к числу староосвоенных демографически неблагополучных регионов Центральной России. В определенной степени демографическую ситуацию в области можно отнести к разряду типичных, присущих регионам Центральной России. В Смоленской области демографический кризис начался на два года раньше, чем в целом по Российской Федерации, и с начала XXI века в процессе депопуляции появились черты системности.

Высокий и к тому же растущий уровень смертности населения во всех возрастных группах является одной из причин снижения численности населения и реальной угрозой демографической безопасности и устойчивому развитию области. Кроме того, высокая заболеваемость и смертность трудоспособного населения не только сокращает численность трудовых ресурсов, но и способствует увеличению количества сирот, вдов, неполных семей и т. д. [3]. Общая тенденция демографического кризиса в Смоленской области в настоящее время характеризуется сверхсмертностью людей трудоспособного возраста, среди которых 82% составляют мужчины [10]. Сверхсмертность мужчин не только снижает продолжительность жизни, но также является прямым источником людских потерь [2]. Можно допустить, что высокая смертность мужчин является одной из причин очень низкой рождаемости в современной России. Негативные тенденции в демографическом развитии Смоленской области подталкивают общественное мнение к выводам, что настоящий кризис явился чем-то абсолютно внезапным, ничем исторически не обусловленным явлением, а депопуляция – следствие преходящих причин. Для определения причинно-следственных закономерностей сложившегося к настоящему времени уровня смертности целесообразно проследить динамику смертности Смоленской области на фоне общей демографической ситуации на различных исторических этапах. Выделим три предшествующих депопуляции этапа демографиче-ского развития Смоленской области, по нашему мнению обладающих общностью тенденций демографического развития.

Первый период демографического развития Смоленской области возможно выделить со времени проведения первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года в связи с тем, что впервые была проведена оценка численности населения Российской империи на качественно новом уровне. По дан-

ным переписи население Смоленской губернии составило 1525,3 тысячи человек, в том числе городское – 120,9 тысячи, или 7,92% населения. Крестьяне составляли в губернии 1388 тысяч человек, в том числе в уездах – 95,6% и в городах – 37,2%. По Европейской России удельный вес городского населения в 1897 году составлял 12,5%. На 1000 мужчин в целом по губернии приходилось 1098 женщин, в сельской местности – 1098, в городах же – только 871 [20]. До октябрьской революции Смоленская губерния оставалась ярко выраженной аграрной губернией. На начало 1907 года население губернии составляло 1862,2 тысячи человек (мужчин 50,6%, женщин 49,4%) [18], а на начало 1911 года – 2003,1 тысячи человек (мужчин 50,9%, женщин – 49,1%) [19].

Перед первой мировой войны в 1913 г. население Смоленской губернии составляло 2110,4 тысячи человек, в том числе городское – 200 тыс., или 9,47%, тогда как по Европейской России этот показатель составил 17,3% [17, 22]. За 17 лет население губернии выросло на 585,1 тысячу человек (38,3%). Городское население выросло на 65%, сельское – на 36%.

Естественное движение населения в данный период характеризуется высокими показателями рождаемости и смертности, характерными для аграрных территорий страны того времени. Городское население росло почти в 2 раза быстрее, чем сельское и все население губернии, что объясняется ростом промышленного производства. Темпы роста сельского населения в Смоленской губернии за указанный период были выше, чем в Европейской России (38,3 и 36,7% соответственно), из-за более высокого уровня рождаемости сельского населения губернии по сравнению с Европейской Россией (47,1 и 43,9 промилле соответственно в 1911–1913 гг.) [22]. Это частично объясняется успехами медицины, отсутствием в данный период длительных войн, эпидемий, усилением торгово-экономических связей между различными районами страны, что резко ослабило влияние местных неурожаев.

С конца века в динамике смертности населения Смоленской губернии проявляются тенденции к снижению. Их возникновение в определенной мере можно объяснить ростом доли городского населения в общей численности населения губернии, условия и уровень жизни у которого выше, чем у сельского.

До следующей переписи в России произошло много событий, самым непосредственным образом повлиявших на численность и динамику населения как России в целом, так и Смоленской губернии. По приблизительным оценкам за годы первой мировой и гражданской войн потери населения страны (в старых ее границах) составляют 21–22 миллиона человек, из которых около 10 % – потери вооруженных сил, а остальные относятся в равной мере за счет снижения рождаемости и роста смертности [14]. Объективных данных о потерях по Смоленской губернии нет, но по данным сельскохозяйственной переписи 1917 года только из сельской местности губернии в армию было призвано 187,8 тыс. человек, что составляет 43,9% трудоспособных мужчин [23]. Известно, что в 1918 г. по всей губернии свирепствовала эпидемия испанского гриппа. К 1 декабря 1918 г. было зарегистрировано 66,4 тыс. человек, заболевших этой болезнью. С декабря 1918 по октябрь 1919 гг. около 40 тыс. человек переболело сыпным тифом, а в первом квартале 1920 г. заболеваемость по сравнению с тем же периодом предыдущего года увеличилась втрое. Только к маю 1921 г. эпидемия сыпного тифа была ликвидирована [24].

В целом показатели естественного движения в Смоленской губернии к 1924 году были близки к аналогичным показателям по стране. Следует отметить снижение в губернии рождаемости по сравнению с 1913 г., однако за счет снижения смертности естественный прирост населения находился примерно на том же уровне (*табл. 1*).

Таблица 1

Показатели естественного движения в Смоленской губернии в 1924 г. (на 1000 человек) [5, 16]

	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
по стране	42,0	22,0	20,0
по Смоленской губернии	39,5	22,0	17,5
городское	32,0	20,0	12,0
сельское	40,0	22,0	18,0

В 1926 г. в Европейских губерниях России и в том числе и в Смоленской наблюдалось значительное снижение смертности [9, 21]. Этот процесс явился результатом социальной политики Советской России. Такая ситуация типична для демографического перехода от одного типа воспроизводства населения к другому [4]. О динамике показателей естественного движения населения Смоленской области с 1924 до 1940 г. можно судить по таблице 2.

В связи с ростом культуры населения, трудностями реорганизационного характера в сельской местности, значительными миграционными процессами рождаемость, а, следовательно, и естественный прирост населения страны и Смоленской области в том числе, заметно сократился. Смертность населения Смоленской области за данный период снизилась. В предвоенные (1938–1939) годы наблюдалось снижение смертности и по сравнению с 1920 –1926 гг. ожидаемая продолжительность жизни выросла на 2,5 года. А в целом за период 1927–1938 гг. смертность была ниже уровня 1926–1927 гг.

Второй период демографического развития Смоленской области выделен с 1941 г. За время Великой Отечественной войны население Смоленской области уменьшилось как за счет прямых военных потерь, так и за счет потерь и перемещений мирного населения. По некоторым данным, Смоленская область в годы войны потеряла до 70% своего населения [15]. Но, кроме прямых потерь населения, необходимо иметь в виду и косвенные потери в результате повышения смертности и снижения рождаемости в военные годы. Война неизбежно связана с общим снижением благосостояния народа, с голоданием и эпидемиями населения, увеличением числа лиц с физическими недостатками, а это в свою очередь обуславливает повышенную смертность мирного населения в войну [16].

Послевоенные годы демографического развития Смоленской области в целом характеризуются нарушением соотношений мужского и женского населения, нарушениями в брачно-семейной структуре населения и высокой внебрачной рождаемостью. В первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) произошел качественный сдвиг в уровне смертности населения России в целом и Смоленской области в частности. С 1950 по 1958 год смертность населения несколько снизилась (с 9,2 до 7,9 промилле), с 1959 года до начала 70-х годов она стала, хотя и медленными темпами, но увеличиваться (с 7,9 до 10,8 промилле в 1970 году) (*табл. 4*). Наряду с этим различия в смертности мужчин и женщин стали практически двукратными.

Из таблицы 3 видно, что в послевоенные годы произошло заметное снижение рождаемости и естественного прироста в СССР, РСФСР и Смоленской области. Даже в 1950 году общее число родившихся в области составляло лишь 64,4% от уровня 1940 года. Показатели рождаемости в области были ниже аналогичных по РСФСР, а показатели смертности – выше.

Интенсивный отток молодежи из села привел к сильному старению сельского населения. Интенсивный отток сельского населения за пределы области привел к тому, что в 1960-е и в начале 1970-х годов имело место уменьшение не только сельского, но и всего населения области. В различных возрастных группах наблюдалась зависимость степени снижения смертности от возраста, т. е. чем старше возраст, тем ниже степень снижения смертности. В 1958–1959 гг. наибольшее снижение смертности по сравнению с довоенным уровнем (1939 г.) наблюдалось в возрастных группах 0–4 и 5–9 лет (в 4–6 раз) и 10–14 лет (в 2–3 раза).

В 1968–1970 гг. по сравнению с 1964–1965 гг. смертность снизилась у детей до 14 лет и у женщин 15–39 лет. В других возрастных группах смертность возросла.

В послевоенное время произошло значительное снижение младенческой смертности с 75,2 промилле в 1950 до 19,5 – в 1970 [1]. В снижении смертности, особенно среди детей, важную роль сыграл прогресс здравоохранения (открытие средств борьбы с инфекциями, профилактические прививки). Под достаточно эффективный социальный контроль были поставлены практически все опасные инфекционные и паразитарные заболевания, эпидемии, болезни органов дыхания и пищеварения. В результате, к середине 1960-х годов продолжительность жизни в области была сопоставима со среднеевропейским уровнем (около 70 лет).

В третий период, выделенный с 1970 года, заметные изменения произошли в возрастном составе населения. Низкий уровень рождаемости способствовал усилению процесса демографического старения. Если в 1970 году численность населения в возрасте старше трудоспособного была ниже численности детей в возрасте до 15 лет включительно на 25,2%, то в 1989 году первая уже превышала вторую на 3% [6]. За рассматриваемый период численность населения старше трудоспособного

□□□□□□□ 2

□□□□□□□□□□□ □□ □□ □□□□□□ □ □□□□□□ □□□□□□□□□
□□□□□□□□□□ □□□□□□□ □ 1924 □ 1940 □□., □□ 1000 □□□. [16]

Год	1924	1940
Рождаемость	39,5	22,3
Смертность	22	16,8
Естественный прирост	17,5	5,5

□□□□□□□ 3

□□□□□□□□□□ □□ □□ □□□□ □□□□ □ □□□□□□ □□□□□□□□□□ □ □□□ ,□ □ □□ □□□□□□□ □□□□□□□□ □□
□ □□□□□□□□□□□□□ □□□□□□ (□□ 1000 □□□□□□□ □□□.) [1,16]

	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
	1950	1970	1950	1970	1950	1970
По СССР	26,7	17,4	9,7	8,2	17,0	9,2
По РСФСР	26,9	14,6	10,1	8,7	16,8	5,9
Смоленская область	23,1	12,1	9,2	10,8	13,9	1,3

□□□□□□□ 4

□□□□□□□□□□ □□□□□ □□ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□ □□
□ 1940 □□ 1970 □. [1,16]

Год	1940	1950	1960	1965	1966	1967	1968	1969	1970
Число умерших	33 341	11 349	8 974	10 282	10 177	10 671	11 225	11 098	11 930
Число умерших на 1000 чел.	16,8	9,2	8,0	9,2	9,1	9,6	10,1	10,1	10,8

возраста выросла на 46,1 тыс. человек (на 21%), численность детей и подростков за этот период сократилась на 35,9 тыс. человек (на 12,2%). Особенно заметное снижение (на 10%) произошло в возрастной группе детей 5–9 лет. Население трудоспособного возраста выросло на 37,9 тыс. человек (на 6%). Низкий прирост трудоспособного населения в 1980-е годы в значительной мере определяется последствиями войны, или, как принято называть в научной литературе, демографическим «эхом» войны, поскольку в трудоспособный возраст вступают дети родителей 1941–1945 гг. рождения, численность которых была незначительной, вследствие низкой рождаемости в военные годы. Наиболее отчетливо данное явление проявляется в тех районах, которые в годы войны находились в немецкой оккупации [16].

Отличительной особенностью смертности населения в России и в Смоленской области рассматриваемый период стала начавшаяся в 1970-е годы стагнация продолжительности жизни и рост смертности, особенно младенческой [1]. В 1970 году показатель смертности на 1000 населения в Смоленской области был значительно выше аналогичного показателя по РСФСР (10,8 и 8,7 промилле соответственно).

Одной из острейших социально-демографических проблем периода является младенческая смертность. В 1970 году в области умерло 259 детей в возрасте до 1 года, 1988 – 292, 1989 – 244. Наибольший показатель младенческой смертности наблюдался в 1977 году (24,2 промилле), а с 1975 по 1980 г. сохранял стабильно высокое значение в пределах 20 промилле [1]. Второй отличительной чертой смертности в 1970 годы в целом стало формирование колоссального разрыва в мужской и женской продолжительности жизни, сформировавшегося в основном из-за двух источников: омоложения мужской смертности практически от всех причин (включая и хронические заболевания) и огромного прироста смертности мужчин от травматизма [11].

В области сложилась ситуация, когда, с одной стороны, активно стареющее из-за низкой

□□□□□□□5

□□□□□□□□□□ □□□□□ □□ □□□□□□□□□□ □□□□□□ □□□□□□□□□ □□

□ 1970 □□ 1989 □. [1, 6, 16]

Год	1970	1972	1974	1976	1978	1980	1982	1984	1987	1988	1989
Число умерших	11 930	12 415	11 995	13 632	13 860	14759	14 236	15 600	14 428	15 127	14 555
Число умерших на 1000 чел.	10,8	11,3	10,9	12,3	12,4	13,1	12,5	13,6	12,5	13,1	12,5

рождаемости население продолжало накапливать в себе груз хронических патологий, постоянно увеличивающих уровень смертности, с другой – был упущен контроль за традиционными причинами смертности свойственными главным образом молодой части населения. В результате сформировалась комбинированная, сочетающая худшие черты традиционной и современной патологии, структура причин смерти, в которой высокая смертность от новообразований и болезней системы кровообращения соседствовала с не менее высокой смертностью от болезней органов дыхания, травм, отравлений и т. п. причин [13].

Итогом этой эволюции структуры патологии является довольно высокий рост смертности, особенно мужской

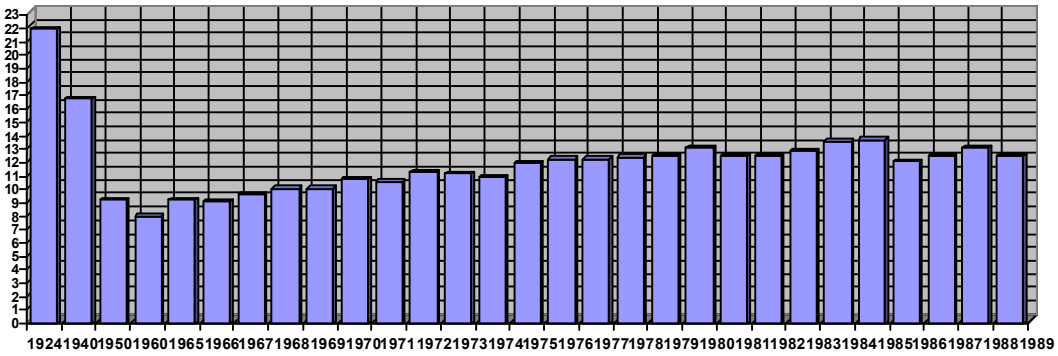
Основными причинами смертности населения в нашей области с 1970 по 1989 г. оставались болезни системы кровообращения. С 1970 по 1989 год доля смертности от болезней системы кровообращения в общей доле смертности выросла на 7,5%. В 1970–1989 годы значительно возросло влияние на смертность таких факторов, как алкоголизм, дорожно-транспортные происшествия, насильственные причины смерти. Число людей, погибших от несчастных случаев, отравлений и травм увеличилось за эти годы на 3,6%. На уровень смертности оказывает значительное влияние высокая заболеваемость населения области. В период с 1970 по 1990 год число заболевших сифилисом выросло – в 2,2 раза, гонореей – в 2,2 раза, алкоголизмом – в 4,8 раза [1].

Снижение смертности во второй половине 1980-х годов было кратким и не имело сколько-нибудь значительных последствий для сложившегося режима воспроизводства и динамики рождаемости (*табл. 5*). Вопреки сложившемуся стереотипу оно не было вызвано мерами по борьбе с пьянством но, тем не менее, антиалкогольная кампания имела значительный положительный эффект: снизилась смертность от несчастных случаев, отравлений, травм и мужская смертность в трудоспособных возрастах в целом [1, 6].

Под влиянием низкой рождаемости усилилось старение населения. В результате примерно за полтора десятилетия (к концу 1970-х годов), в течение которых коэффициент суммарной рождаемости стабильно оставался ниже границы простого замещения поколений, население РФ и Смоленской области вплотную подошло к порогу депопуляции

Таким образом, сложившаяся в процессе демографического развития ситуация со смертностью в области не является лишь следствием социально-экономического кризиса 1990-х, а в значительной мере обусловлена тенденциями исторического развития ее народонаселения. Нарушенная в результате войн и социальных катаклизмов возрастно-половая структура населения области способствовала росту числа лиц старше трудоспособного возраста, а, следовательно, и смертности. Вторым фактором роста смертности и сохранения ее показателей на высоком уровне явилась стагнация ожидаемой продолжительности жизни населения. Структура причин смерти населения в области до сих пор осталась неизменной и по-прежнему представляет собой сюрреалистическую комбинацию элементов современной и традиционной патологии на фоне низкой ожидаемой продолжительности жизни [12].

В сравнении с 1980-ми гг. ситуация усугубилась тем, что роль внешних причин смерти в формировании результирующего показателя смертности возросла, в первую очередь, из-за опережающего роста смертности от несчастных случаев, отравлений и травм. Относительно стабильно развивавшаяся в 1990-е гг. ситуация в области смертности от болезней системы кровообращения и других форм хронической патологии связана отнюдь не с наличием в России адекватных средств борьбы с ними, а всего лишь с активизацией преждевременной смертности от других причин. Иными словами, население страны не доживает до «старческих»



□□□.1. □□□□□ □□ □□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□
□ 1924 □□ 1989 □., □□ 1000 □□□□□□□□

причин смерти, и в этом – коренное отличие российской модели смертности от тех, которые можно наблюдать в других странах. Таким образом, даже устранение – полное или частичное – избыточной смертности от насильственных и других, не обусловленных естественным старением человеческого организма, причин смерти не приведет автоматически к решению всех проблем и к росту продолжительности жизни [8].

□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□ □□□□

1. 60 лет Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленск. Смолстат, 1997.
2. Андреев Е.М. Смертность мужчин в России // Вопросы статистики. – 2001. – № 7. – С. 29.
3. Андреев С. П. Смертность в России // Современная демография. – М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 44–62.
4. Борисов В.А. Демография. – М., 1999.
5. Весь Смоленск и губерния за 1925–1926 гг. – Смоленск, 1925. – С. 30, 34, 35.
6. Возрастно-половой состав населения Смоленской области по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Статистический сборник. – Смоленск. Госкомстат, 1990.
7. Всесоюзная перепись населения 1939 года. (Основные итоги). – Москва: Наука, 1992.
8. Демографическое будущее России / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. – М., 2000.
9. Дробижев В.З. Историческая география СССР. – М., 1973.
10. Естественное движение населения Смоленской области в 2005 г. Статистический бюллетень. – Смоленск. Смолстат, 2006.
11. Захарова О.Д. Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы // СОЦИС. – 1995. – № 3.
12. Захарова О.Д. Демографические процессы в Российской Федерации и странах нового зарубежья // Социологические исследования. – 1997. – № 7.
13. Иванова А.Е. Здоровье населения России: ожидания, реальность, перспективы // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия. Материалы Международной конференции 15–16 декабря 1994. – М., 1994.
14. Киселева Г.Н., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. – М.: Финансы и статистика, 1983. – С. 56.
15. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. / Т. 2. 1940–1959. – М., Российская политическая энциклопедия, 2001.
16. Население Смоленщины: прошлое и настоящее (историко-демографический очерк). – Смоленск, 1988.
17. Обзор Смоленской губернии за 1913 год. – Смоленск, 1915, приложение 3.
18. Отчет Смоленского Губернского статистического комитета за 1906 год. – Смоленск, 1907.
19. Отчет Смоленского Губернского статистического комитета за 1910 год. – Смоленск, 1911.
20. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Смоленская губерния. – СПб., 1904. – С. 46.
21. Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года по Смоленской губернии. – Смоленск, 1926.
22. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – Госстатиздат, 1956.
23. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. – М., 1925. – С. 21, 149.
24. Степанов П.С. Борьба за укрепление Советской власти в Смоленской губернии в 1917–1929 гг. – Смоленск, 1957. – С. 68, 122.

□.□. □□□□□□□
(□. □□□□□□)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРИФЕРИЙНОСТЬ В СТАРООСВОЕННЫХ РЕГИОНАХ ЦЕНТРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Barinov S.L.

SOCIO-ECONOMIC PERIPHERY IN THE OLD-SETTLED REGIONS OF THE CENTRAL AND NORTH-WEST RUSSIA

In the article major factors of social and economic circumference are analyzed and prospects of development of peripheral areas of the Center and Northwest of Russia are considered.

Социально-экономический кризис, в котором оказалась Россия в первой половине 1990-х гг., сопровождался не только общим экономическим спадом, но и нарастанием поляризации пространства страны. В рамках центр-периферийной модели кризис привел к увеличению разрыва между центром и периферией.

Понятия *периферии* и *периферийности* появились в мировой экономической и экономгеографической литературе в середине XX века. Классиком концепции «центр – периферия» на Западе считается Дж. Фридман. Согласно его концепции, неравномерность экономического роста и процесс пространственной поляризации неизбежно порождают диспропорции между так называемым *ядром* и *периферией*. При этом ядро на протяжении всего жизненного цикла центр-периферийной системы стабильно доминирует над периферией.

Трейвиш, Иоффе и Грицай выделяют ряд ключевых характеристик периферии[1].

1. Низкий исходный уровень социально-экономического развития при низком темпе и неустойчивом характере его динамики.

2. Повышенная доля занятых в отраслях первичного сектора и сферы нерыночных услуг, минимальная доля наукоемких отраслей в структуре экономики.

3. Слабая внутренняя интеграция и ограниченное участие в территориальном разделении труда.

4. Преобладание работников с традиционными навыками аграрного труда.

5. Однородный или, напротив, резко контрастный социальный состав.

6. Традиционализм населения, отставание социальных нововведений.

7. Ускоренная поляризация территории.

8. Сохранение консервативности развития, частичное внедрение адаптивных функций.

9. Ориентация на экстенсивное использование ресурсов.

Данное исследование проведено в рамках центро-периферийной теории. Целью работы является определение основных факторов социально-экономической периферийности и перспектив развития периферийных регионов Европейского Центра и Северо-Запада. Выбор в качестве объекта исследования староосвоенных областей обусловлен рядом факторов. Во-первых, они обладают значительным накопленным потенциалом в виде основных фондов, системы расселения, инфраструктуры и т. д. Этот потенциал можно и нужно использовать для решения ключевых проблем данных регионов. Во-вторых, высокий уровень освоенности территории и преимущественно сплошной характер расселения формируют более сложную систему центр-периферийных взаимодействий в староосвоенной зоне по сравнению с менее освоенными территориями.

Чтобы понять, какие из староосвоенных промышленных регионов Центра и Северо-Запада оказались периферийными и почему, необходимо найти ответы на следующие вопросы:

– Какая совокупность социально-экономических показателей выделяет периферийные регионы среди всех староосвоенных регионов Центра и Северо-Запада?

[1] Грицай, Иоффе, Трейвиш. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука. – С. 15.

– Существовали ли симптомы периферийности или предпосылки к переходу на периферию в докризисные годы?

– Как развивались периферийные регионы в периоды кризиса и восстановительного роста, и какие факторы периферийности характерны для каждого из регионов?

– Насколько велики сходство и различия периферийных регионов в зависимости от ключевых проблем развития и ведущих факторов периферийности?

– Какую роль играют города-центры в регионах, способны ли они вывести эти регионы из депрессии?

– Каковы перспективы развития периферийных регионов и возможные пути их выхода из периферийного положения?

В исследовании использованы статистические материалы за ряд лет, аналитические материалы Независимого института социальной политики, а также сайты областных и городских администраций. Все статистические материалы, если не указано иное, относятся к периоду 1988–2005 гг.

Факторы и индикаторы периферийности

Выявление периферийных территорий сложно из-за отсутствия четких границ между полупериферией и периферией. Дополнительные методологические проблемы, возникшие при определении целевой группы регионов, были связаны с отсутствием региональной типологии, составленной в рамках центр-периферийной модели и адаптированной к условиям российской действительности.

Анализ показал, что наиболее адекватными характеристиками для выделения депрессивных регионов среди всех областей Центра и Северо-Запада являются несколько базовых социально-экономических показателей:

– ВРП на душу населения;

– душевые объемы промышленного производства;

– индекс физического объема промышленной продукции;

– душевой объем инвестиций в основной капитал;

– оборот розничной торговли на душу населения как индикатор уровня потребления;

– душевые денежные доходы и их отношение к прожиточному минимуму;

– уровень безработицы;

– младенческая смертность и ожидаемая продолжительность жизни, характеризующие качество населения.

Эти индикаторы применимы для анализа в переходный период. Однако и в конце советского периода были выявлены определенные предпосылки к переходу на периферию в ряде регионов (в частности, в Ивановской и Владимирской областях), хотя группа периферийных регионов в целом не выделялась.

Признаки периферийности проявились в первой половине 90-х гг. в связи с социально-экономическим кризисом. Во всех староосвоенных регионах он сопровождался рядом сходных процессов: падением промышленного производства при неадекватной рыночному спросу отраслевой структуре промышленности; резким сокращением инвестиций в основной капитал; сокращением рабочих мест и ростом безработицы; сокращением доходов и потребления населения; снижением качества населения, обусловленным его старением, маргинализацией и сокращением доходов. Дополнительным фактором стало ухудшение ЭГП, обусловленное барьерным характером границы (для приграничных регионов) или слабой связью с центрами экономической активности (для глубинных регионов).

Особенность периферийных регионов Центра и Сверо-Запада состояла в более сильном отставании от других регионов только по отдельным показателям. Именно эта особенность обусловила сложности выделения группы периферийных регионов по всей совокупности социально-экономических индикаторов.

Группа отстающих в своем развитии регионов была выделена исходя из максимального числа «проблемных» индикаторов (*табл. 1*).

В нее вошли Брянская, Ивановская, Костромская, Тверская, Рязанская, Владимирская и Псковская области. Глубина экономического кризиса в данных регионах и степень их отставания от соседей была обусловлена в первую очередь отраслевой структурой региональной экономики. В пяти регионах – Брянской, Ивановской, Тверской, Владимирской и Псковской областях – отставание по ряду основных показателей связано с текстильно-машиностроительной специализацией. Ключевым фактором периферийности данных регионов стал кризис ведущих отраслей, их неконкурентоспособность в рыночных условиях и резкое сокращение инвестиций (в Ивановской и Владимирской областях – также недоинвестирование в докризисный период).

В 1990-е гг. в каждом из вышеназванных пяти регионов на передний план вышла своя группа

Таблица 1

Показатели развития регионов Центрального федерального округа

Регион	ВРП на душу к среднему по РФ (2004), раз	Душевые денежные доходы / прожиточный минимум (2005), %	Душевые денежные доходы / прожиточный минимум (2000),%	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (2000), %	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (2004), %	Оборот розничной торговли на душу населения (2004), руб.	Уровень безработицы (2004), %	Коэффициент миграционного прироста (2001–2005, в среднем), на 10000 нас.	Инвестиции в ОФ на душу населения (2000), руб.	Инвестиции в ОФ на душу населения (2004), руб.	Доля отрасли в промышленном производстве (2004 г.), %		
											Машиностроения	Суммарно 2-х отраслей	Легкой промышленности
Среднее по РФ	**1**	**283**	**196**	**28,9**	**17,8**	**39 230**	**8,2**	**5**	**8 026**	**18 981**	**18,9**	**1,1**	**20**
Брянская	0,47	211	142	44,1	25,3	22 822	8,8	– 4	1 962	5 166	26,4	2,1	28,5
Владимирская	0,56	158	122	45,7	30,9	16 674	9,1	10	3 039	8 030	42,6	4,1	46,7
Ивановская	0,40	130	84	69,9	53,0	15 526	4,6	2	1 698	7 590	20,2	29,2	49,4
Калужская	0,67	204	130	46	24,3	30 465	6,3	10	4 931	10 094	40,3	1,1	41,4
Костромская	0,60	187	133	38,8	30,0	22 377	5,9	1	5 961	16 876	18,2	6,3	24,5
Рязанская	0,72	187	133	49,3	28,4	24 942	5,8	1	4 821	10 393	27,2	6,6	33,8
Смоленская	0,64	216	163	30,8	21,2	30 222	9,1	– 5	5 978	10 079	20,3	2,6	22,9
Тверская	0,64	203	112	53,5	27,6	28 239	5,3	3	6 028	20 184	33,6	6,2	39,8
Тульская	0,60	200	158	32,2	20,0	23 750	4,6	– 4	5 900	7 746	19,1	0,9	20
Калининградская	0,65	201	133	34,8	27,1	30 424	6,5	42	4 824	19 119	37,1	1,7	38,8
Псковская	0,57	209	130	45,3	20,6	32 294	5,6	4	3 077	7 746	32,8	5,1	37,9
Среднее по группе	**0,59**	**191**	**131**	**44,6**	**28,0**	**25 249**	**6,5**	**5**	**4 384**	**11 184**	**28,9**	**6,0**	**34,9**

проблем. Для Брянской области это масштабная стагнация всей промышленности и кризис сельской местности (сельское хозяйство дает около трети ВРП региона). Усугубляет положение недостаток инвестиций и потеря производственно-экономических связей после распада Союза.

Для Ивановской области ключевые проблемы – тяжелый кризис и крайне медленные темпы восстановления текстильной отрасли (темпы роста объемов промышленной продукции в постдефолтный период минимальны), а также высокая бедность населения и низкие доходы бюджета.

Псковская область, помимо медленных темпов восстановления экономики, отличается низким качеством населения. Рост доходов населения и нерыночных услуг в ВРП обусловлен федеральными субсидиями и свидетельствует не о реальном улучшении социально-экономической ситуации в области, а о росте зависимости от федерального центра, что является классическим симптомом нарастания периферийности региона.

Для Владимирской и Тверской областей основными проблемами остаются низкие доходы населения. Для Владимирской области характерна также тяжелая ситуация на рынке труда (уровень безработицы самый высокий среди исследуемых регионов). Кроме того, все пять регионов, за исключением Тверской области, продолжают испытывать сильный инвестиционный голод (душевое инвестирование в 2–3 раза ниже, чем в среднем по стране).

В двух других регионах – Костромской и Рязанской областях – глубина спада была меньше за счет преобладания электроэнергетики и нефтепереработки (Рязанский НПЗ). Однако кризис других отраслей (в первую очередь машиностроения) и их медленное восстановление в постдефолтный период привели к отставанию областей по темпам восстановительного роста промышленности. Объемы промышленного производства выросли на 57% и 41%, соответственно, что меньше, чем во всех остальных староосвоенных областях. Помимо этого, для Костромской области актуальна проблема невыгодного ЭГП и низкой инфраструктурной освоенности, для Рязанской – низкие доходы населения и тенденции ухудшения его качества.

Роль центров периферийных регионов как «точек роста»

Процесс перемещения региона на периферию сопряжен с ростом внутренних различий между региональным центром и остальной территорией. В ходе исследования была выдвинута гипотеза о возможности формирования полюсов экономического роста в центрах периферийных областей в условиях общего подъема экономики. Данная гипотеза опиралась на особую роль региональных центров, обусловленную концентрацией в них экономических ресурсов (*табл. 2*). Для выявления потенциала социально-экономического развития центров периферийных регионов они были сопоставлены с центрами других староосвоенных областей Центра и Северо-Запада (*табл. 3*), а также с динамикой развития периферийных регионов. Сравнение проводилось по тем же основным показателям за исключением отсутствующих на уровне городов.

По состоянию на 1990 г. региональные центры староосвоенных областей можно разделить на четыре основных типа с точки зрения их величины, уровня социально-экономического развития и значения для своих регионов.

1. Региональные центры, отстающие по основным показателям от соседей и имеющие низкий удельный вес в своих регионах в силу особенностей расселения и наличия других относительно крупных промышленных городов: Тула, Тверь, Смоленск, Владимир. Эти города концентрировали менее 30% населения своих регионов, при этом уровень концентрации по большинству экономических показателей был ненамного выше, а в некоторых случаях ниже уровня концентрации населения.

2. Центры, отстающие по доле в населении в силу особенностей расселения, но имеющие высокий удельный вес в экономике своего региона: Новгород, Брянск, Калуга, – что объясняется отсутствием в других городах развитой промышленной базы.

3. Среднеразвитые центры регионов (г. Псков, г. Иваново), где имеются крупные вторые города с развитой промышленностью. За счет концентрации значительной части населения, трудовых ресурсов и промышленного потенциала в г. Великие Луки и г. Кинешма удельный вес областных центров Псковской и Ивановской областей оказался по основным показателям ниже, чем в соседних регионах. При этом доля г. Пскова по экономическим показателям в своем регионе оказалась выше доли по населению, а г. Иваново – ниже. Такая закономерность обусловлена большим промышленным потенциалом г. Кинешмы по сравнению с г. Великие Луки.

Таблица 2

Удельный вес регионального центра в области по некоторым показателям в городах-областях в 2004 г.

Город	Удельный вес регионального центра в области, %			
	в численности населения	в численности рабочих и служащих	в объеме промышленной продукции	в товарообороте торговли и общественного питания
Брянск	31,5	42,8	54,2	60,1
Владимир	22,3	27,0	32,0	40,6
Иваново	37,5	42,8	51,9	60,7
Калининград	45,0	54,7	77,9	55,5
Калуга	32,2	46,4	50,3	46,5
Кострома	38,5	45,8	47,8	56,2
Новгород	32,5	41,8	58,9	51,9
Орел	39,1	46,1	61,8	56,5
Псков	27,2	33,4	34,0	54,0
Рязань	43,2	53,6	72,5	69,5
Смоленск	31,3	38,7	46,2	63,0
Тверь	28,5	32,6	42,8	54,5
Тула	31,7	41,7	49,9	57,6
Ярославль	45,2	52,7	70,9	65,7

4. Центры с развитой экономикой, лидирующие в рейтинге и имеющие большой удельный вес в своих регионах по всем основным показателям: Орел, Рязань, Кострома, Ярославль. Ярославль лидировал по большинству показателей среди всех региональных столиц староосвоенного Центра и Северо-Запада (*табл. 3*). Однако его экономические показатели концентрации в 1990 г. незначительно превышали долю по населению из-за наличия достаточно мощного экономического «противовеса» в виде Рыбинска. В областных центрах Орловской, Рязанской и Костромской областях уровень концентрации экономики, напротив, был значительно выше, чем уровень концентрации населения.

Особняком в рамках данной классификации стоит Калининград. Несмотря на отставание от других региональных центров по большинству душевых показателей, он имеет наиболее высокие показатели концентрации населения и хозяйства за счет малых размеров и небольшого экономического потенциала других городов области.

Динамика развития городов – областных центров была сопоставлена с динамикой развития периферийных регионов в постсоветский период. В Ивановской, Псковской, Брянской и Костромской областях динамика региональные центры по основных социально-экономических показателей совпадала с динамикой своих регионов. В Костроме и Пскове падение душевых объемов промышленного производства было более сильным, чем в их регионах, в результате удельный вес этих областных центров в 1998 г. снизился по сравнению с 1990 г.: Пскова – на 5 проц. пунктов, Костромы – почти в 2 раза (с 61 до 38%). В Брянске и Иваново такого сокращения не произошло, однако сами города опустились в рейтинге по показателю душевых объемов промышленного производства с 4-го и 1-го места до 12-го и 9-го, соответственно. Для этих четырех регионов кризис их центров стал одним из факторов периферийности. На сегодняшний день ни один из четырех областных центров не восстановил прежнего экономического потенциала.

Тренды трех других городов – Рязани, Твери и Владимира – разошлись с трендами их регионов. Владимир и Тверь легче своих регионов пережили кризис: по душевым объемам промышленного производства Владимир поднялся с 13-го на 4-е место в рейтинге региональных

□□□□□□□□ 3

□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□-□□□□□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□ □ □□□□□□□-□□□□□□□ □ **2004** □.

Город	Численность населения (на конец года)	Зарегистрированная безработица	Среднегодовая численность работающих на предприятиях и в организациях	Число предприятий и организаций		Объем промышленной продукции (в фактически действовавших ценах)		Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах)		Оборот розничной торговли на душу населения	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	Площадь жилищ на одного городского жителя
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	всего	на душу	всего, млн. руб.	тыс. руб./ чел.	всего, млн. руб.	тыс. руб./ чел.	руб.	руб.	кв. м
Брянск	424,1	1,41	171,3	10 354	24,41	3253	6,79	3 854,1	9,09	41 921	5 320,3	19,9
Владимир	331,4	2,22	138,3	12 305	37,13	4816	13,46	4 191,4	12,65	30 441	5 493,0	21,2
Иваново	418,2	1,18	142,1	17 611	42,11	3605	7,83	2 203,5	5,27	25 103	4 921,4	21,4
Калининград	425,6	1,01	131,1	39 021	91,68	3672	8,61	13 157,8	30,92	37 980	7 609,0	19,7
Калуга	329,4	0,80	159,2	10 422	31,64	2622	7,31	3 054,9	9,27	41 892	6 230,3	20,2
Кострома	275,9	1,21	109,8	8 166	29,60	2361	8,19	3 282,0	11,90	32 782	5 505,9	21,2
Новгород	218,8	2,83	83,0	4 144	18,94	4067	17,02	2 419,3	11,06	43 340	7 082,2	20,2
Орел	329,4	2,64	134,0	8 027	24,37	2050	5,98	2 742,0	8,32	36 505	5 465,0	19,4
Псков	200,1	1,63	81,2	4 736	23,67	1074	5,30	2 879,9	14,39	12 954	5 669,0	21,0
Рязань	515,9	0,97	219,7	18 368	35,60	4752	8,93	7 079,7	13,72	40 239	5 992,4	20,4
Смоленск	319,3	0,24	123,8	18 577	58,18	4824	13,68	2 262,2	7,08	60 904	6 284,0	21,9
Тверь	406,7	0,65	204,9	24 636	60,58	3514	7,70	3 309,0	8,14	54 235	6 929,0	21,9
Тула	515,2	1,14	215,8	18 059	35,05	6401	11,47	4 677,1	9,08	43 097	5 992,6	22,2
Ярославль	605,2	0,69	268,2	20 499	33,87	11335	18,40	15 474,2	25,57	34 292	7 270,0	19,8

центров, а Тверь – с 14-го на 9-е место по душевым инвестициям. Однако во Владимире средняя заработная плата на 20% ниже среднероссийской а уровень зарегистрированной безработицы в два раза выше среднего по Центральному ФО. Твери по-прежнему не хватает производственно-экономического потенциала (9-е место по душевым объемам промышленного производства, 12-е – по душевым инвестициям), чтобы стать центром роста для Тверской области. Рязань испытала более глубокий спад, чем Рязанская область (следствие этого – сокращение доли города в объемах промышленного производства области с 59% до 44%), но в постдефолтный период продемонстрировала самые высокие темпы роста среди исследуемых региональных центров. Однако к ускоренному росту региона это пока не привело: Рязанская область по темпам развития экономики отстает от соседних регионов.

Таким образом, выдвинутая гипотеза о возможности формирования полюсов роста в центрах периферийных областей в ходе исследования не подтвердилась.

Анализ развития периферийных регионов в постдефолтный период позволяет выделить Тверскую область как наиболее успешный регион с точки зрения перспектив дальнейшего развития и выхода из периферийного положения. Однако основными проблемами на пути выхода из периферийного положения являются низкий промышленный потенциал Твери и сокращение объемов инвестирования в основной капитал после завершения строительства третьего энергоблока Калининской АЭС. От решения этих проблем зависят перспективы развития области в ближайшем будущем. Рязанская область также имеет определенные перспективы по выходу из периферийного положения, связанные с динамичным развитием Рязани. Однако Рязанская область отстает по темпам развития от регионального центра. Перспективы остальных пяти областей связаны с ускоренным развитием их центров, но пока Владимир, Иваново, Псков, Брянск и Кострома схожи по проблемам и динамике развития со своими регионами.

1. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского. – М.: ОГИ, 2001.
2. Григорьев Л., Урожаева Ю. Глубина разнообразия // Ведомости. – 2005. – № 101, 106, 112.
3. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
4. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экономическое обозрение. – 2006. – 3 мая.
5. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов и поселений России: изменения 90-х годов // Вестник Московского университета. – Серия 5. География. – 2002. – № 6. – С. 56.
6. Зубаревич Н.В. Социальные последствия вступления в ВТО для регионов России // Вестник Московского Университета. – Серия 5. География. – 2003 г. – № 2. – С. 60.
7. Кузнецова О.В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. – М.: КомКнига, 2005.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005.
9. Институт экономики переходного периода – http://www.iet.ru/
10. Независимый институт социальной политики – http://www.socpol.ru/
11. Социальный атлас российских регионов – http://atlas.socpol.ru/
12. Тасис – http://tacis.rostextile.com.ru/
13. Федеральная служба государственной статистики – http://www.gks.ru/; http://www.fsgs.ru/

□.□. □□□□□□□□ □□
(□. □□□□□□)

ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗМЕЩЕНИЯ ТОРГОВЫХ СЕТЕЙ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

Korolenko A.R.

ECONOMICAL-GEOGRAPHICAL ANALYSIS OF TRADE NETS ALLOCATION IN MOSCOW

This article is devoted to the economical-geographical analysis of trade nets allocation in Moscow. The main factors and possible problems of net stores allocation and features of net trade development in Russia are observed in this article. The classes of net trade and commercial, trade realty market of Moscow are also analyzed. The valuation of modern methods of future profitability calculation taking into consideration it's location and the forecast of system of trade net development in Moscow are given in the article.

Торговые сети, давно и успешно функционирующие на западе, стали активно развиваться в России не так давно (в середине 90-х гг.). Сети существовали и ранее, например, «Детский мир», «Океан», но в меньшем количестве, чем в настоящее время. При строительстве сетевых магазинов в середине 90-х слабо учитывались многие важные экономико-географические факторы, определяющие успешность (доходность) магазинов. Это явление достаточно сложное по сути, его нельзя объяснить наличием одного-двух факторов. Значительную роль играет фактор экономико-географического положения. В зависимости от местоположения (город или окраины) определенные розничные сети могут занять лидирующие позиции на рынке.

Необходимо рассматривать, в каком административном районе находится магазин, центр ли это или периферия, на какой улице (высока ли там проездная и проходная способность), является ли данная улица крупным транспортным коридором, на первой ли линии домов, удобный ли транспортный подъезд, далеко ли от метро, высока ли платежеспособность населения, есть ли конкуренты в данном районе, транспортно-географическое положение, логистические связи и т. д. Одной из главных проблем для многих сетевых магазинов в России, и в Москве в том числе, остается неправильный, плохо продуманный выбор местоположения, не учитываются особенности географии транспорта, социальной географии.

Из не экономико-географических проблем можно перечислить: отсутствие грамотной системы марчендайзинга (это комплекс мер по продвижению товара через точки конечного потребления, основной задачей является привлечение внимания покупателя к продукту или бренду непосредственно в точках продаж), не учитываются особенности мышления населения (несмотря на многие рекламные ходы, пожилые люди всегда предпочитают отовариваться на рынках, так как они убеждены, что на рынке дешевле), достаточно мало крупных торговых площадей в Москве, по-прежнему наблюдается нехватка площадей в некоторых административных округах (компании боятся идти в «сомнительные» районы, то есть туда, где есть вероятность не получить возможную прибыль) и т. д.

Рост спроса к развитию ритейла (розничной торговли) в нашей стране со стороны иностранных инвесторов во многом связан с рекомендациями ряда исследовательских центров о привлекательности инвестиций в сектора экономики стран мира. В ежегодном индексе, отражающем инвестиционную привлекательность розничной торговли 30 стран с развивающейся экономикой (рейтинг международной консалтинговой компании A.T. Kearny), Россия второй год подряд занимает первое место. Самыми инвестиционно привлекательными для ритейла регионами остаются Москва и Санкт-Петербург. Розничная торговля продовольственными товарами в России подразделяется на несколько сегментов. Продовольственные мелкооптовые рынки играют ведущую роль, в то же время значительная часть рынка принадлежит магазинам различных типов.

В настоящее время конкуренция присутствует, в основном, между «цивилизованной» и «нецивилизованной» розничной торговлей. В настоящее время в Москве формируется система торговых сетей, которая не изучается пока с точки зрения экономической географии.

Существует корреляция между розничным товарооборотом и душевыми доходами населения, эта корреляция равна в среднем по России примерно 83%, то есть достаточна велика. Чем больше душевой доход населения, тем больше розничный товарооборот Известно, что в среднем по России такое соотношение равно 51%, а в Москве это соотношение больше (56%). Можно сделать вывод, что доля розничной торговли не может быть такой высокой в Москве, так как очень много средств уходит на другие нужды, в том числе на коммунальные услуги.

Повышенное, по сравнению со среднероссийским, соотношение между розничным товарооборотом и душевыми доходами можно объяснить повышенной долей мигрантов, занятых в розничной торговле. То есть этот показатель косвенно указывает на реальную численность людей, пребывающих в Москве (не только жителей, но и мигрантов). Люди приезжают в Москву, закупаются на рынках или в крупных сетевых магазинах средней ценовой категории или универсальных крупных сетевых магазинах (и не только универсальных, но и в специализированных). Москва, по-прежнему, «главный магазин» России и бывшего СССР.

В Москве центр является, в основном, деловым, «спальные районы» выполняют функцию оптовой и мелкооптовой торговли помимо прочих функций (селитебной, промышленной и т. д.).

Особенность размещения в «спальных районах» крупных сетевых магазинов заключается также в том, что они ориентированы не столько на логистические цепочки, на транспортные узлы или мигрантов, сколько на жителей и на людей с автомобилями (если речь идет о мелкооптовых магазинах, таких как «Metro», например). Однако, в последние годы, в условиях рыночных отношений, ожесточенной конкуренции между сетями похожих или одинаковых профилей, стало очевидным, что фактор местоположения (ЭГП) играет решающую роль в развитии бизнеса. То есть, сейчас стараются учесть все возможные варианты размещения магазина таким образом, чтобы привлечь максимально возможное количество покупателей. К примеру, если нет возможности построить крупный сетевой магазин недалеко от метро, организуют бесплатные маршрутки, чтобы хоть как-то компенсировать недостатки местоположения («Metro», «Auchan», «Ikea»).

Установлено, что сети могут быть подразделены на три основных ценовых сегмента: розничные сети класса «премиум», розничные сети среднего класса и дискаунтеры Фактически, диверсификация является одной из основных явных тенденций изучаемого периода (2000-е годы), поскольку сети вводят новые форматы магазинов и пытаются привлечь различные сегменты потребителей. Различные сети формируют различные рынки, потребители которых не пересекаются. Соответственно, магазины строятся, ориентируясь на определенный контингент граждан: более дорогие, класса «премиум» – в центре, «дискаунтеры» – в спальных районах. Крупные гипермаркеты можно назвать конкурентами продовольственных рынков Москвы. В условиях рыночных отношений торговля ориентируется на разные классы, на разные социальные категории граждан, соответственно, это отражается и на сетевых магазинах тоже. Очевидно, что магазины, ориентирующиеся на элиту, находятся в центре, где высокие цены обеспечивают высокий товарооборот Происходит дифференциация торговли, и сетевой в том числе.

Сопряженный анализ карт сетевых магазинов и карты стоимости продажи (и аренды) квадратного метра торгового помещения, показал, что наиболее дорогие магазины сконцентрированы в районах с самым дорогим жильем. К примеру, «Седьмой Континент» класса «5 звезд» – в Центральном, Западном округе и Юго-Западном округах, где контингент клиентов способен окупить арендную плату или расходы на приобретение торговой площади.

В «спальных» районах арендная ставка или стоимость покупки помещения ниже, здесь приобретаются большие площади под сетевые магазины, здесь покупается много площадей. Очевидна зависимость товарооборота магазинов от их местоположения

Рынок недвижимости в Москве, в том числе, и коммерческой, пока не устоялся, слишком много «белых пятен» присутствует на карте. Выявлен пока малый интерес крупных универсальных торговых сетей ко всему северу Южного административного округа) (где нет крупных универсальных сетевых операторов; почти ко всему Восточному Административному округу, северу Юго-Западного

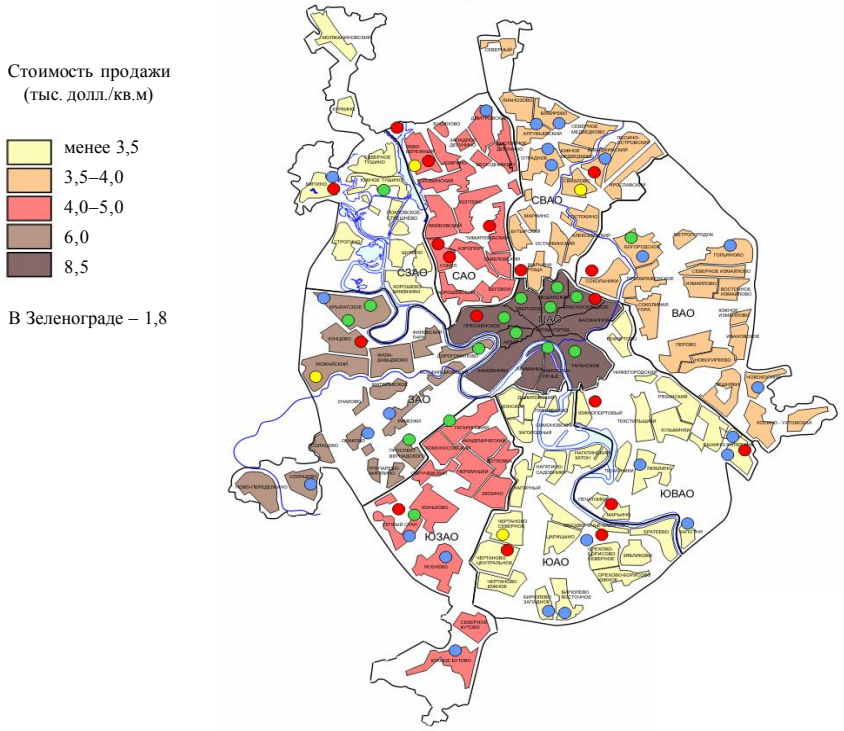


Рис. 1. Распределение стоимости квартир в Москве по данным на 1.01.2001 г.

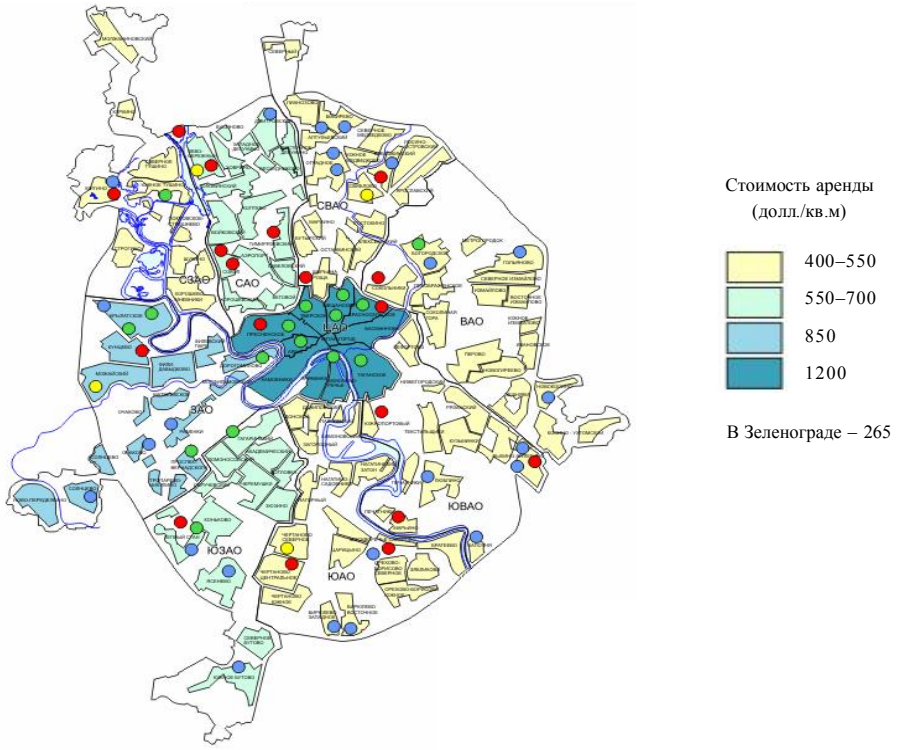


Рис. 1. Распределение стоимости квартир в Москве по данным на 1.01.2001 г.

административного округа, где находится крупный Черемушкинский рынок.

Доказано автором данной статьи, что по мере приближения к центру цены на кв.м. и аренды и продажи повышаются (что является простейшей иллюстрацией центр-переферийной модели), соответственно, именно здесь крупным сетевым операторам менее выгодно размещать свои магазины. Восток исторически был менее застроен, чем прочие районы города, даже если смотреть жилую застройку. Районы Юго-западного административного округа, граничащие с центром, отличаются высокими ценами (от 2,500$/кв.м. за торговое помещение в районе станции метро «Академическая» до 7,000 $/кв.м в районе Ленинского проспекта, арендная ставка на Ленинском проспекте – в середине – может достигать 1,000 $/кв.м.). В главных транспортных коридорах мало универсальных сетевых операторов. Зеленоград – достаточно закрытый город, который лишь в последнее время стал предлагать новые торговые площади в строящемся торговом центре на Савелкинском проезде. Можно прогнозировать, что в ближайшем будущем сетевые операторы займутся более интенсивным освоением Восточного и Южного административных округов. В то же время наблюдается постепенный выход московских торговых сетей за пределы г. Москвы, не только в Московскую область, но и в другие субъекты Российской Федерации.

Основные проблемы в развитии розничной торговли в России заключаются в конкуренции с открытыми рынками, которые практически не платят налоги или платят заниженные и, соответственно, имеют преимущество в цене.

Одной из сложностей сетевой торговли является прогноз возможной будущей прибыльности магазина. Однако существуют некоторые простейшие методики расчета будущего оборота сетевого магазина (здесь речь идет о крупном магазине). Можно рассчитать будущую прибыльность магазина с учетом поправок.

Оборот проектируемого магазина без поправок на разницу потенциала местоположения и площади можно рассчитать как произведение среднего чека аналогичного магазина на количество покупателей в год, с учетом того, сколько покупателей живет в данной торговой зоне и сколько людей из них посещает аналогичный магазин.

Для учета разницы потенциала местоположения и площади вводятся следующие поправки (коэффициенты): поправка на местоположение, поправка на площадь, рассчитываемая как отношение площади проектируемого магазина к площади магазина-аналога, экспертная поправка – наличие кинотеатра, ресторана и т. д.

То есть, в настоящее время существуют методики учета местоположения, ЭГП объекта. Может быть, в будущем они будут более углубленными

К примеру, нужно было бы ввести корректирующую поправку для местоположения для ЭГП (к примеру, оценка близости к районам сбыта), в частности для ТГП (близость к основным транспортным путям).

Особенность отечественной сетевой торговли связана с огромными географическими масштабами страны, региональной дифференциацией доходов населения. Как уже говорилось ранее, в Москве, где доходы выше общероссийских, на 1 млн жителей приходится 42 супермаркета, тогда как по России – в среднем около 10. Для сравнения в Восточной Европе, например в Чехии, этот же показатель доходит до 112 супермаркетов. Сегодня основной проблемой развития отечественного ритейла является отсутствие торговых площадей. Эти и другие проблемы розничной торговли в Москве осознаются московским правительством и нашли свое разрешение в «Генеральном плане развития Москвы до 2020 года и его реализации».

Приоритетные направления в развитии столичной торговли на ближайшую перспективу, по мнению правительства, можно сформулировать в следующем виде:

- Преодоление отставания от столиц высокоразвитых стран в обеспеченности населения торговыми площадями, особенно крупными.
- Реформирование структуры розничной торговли с целью улучшения ее качественного состава за счет повышения доли современных форматов магазинов (супер- и гипермаркетов, дискаунтеров, торговых центров, магазинов-складов «Кэш энд Кэрри», мини-магазинов «Корнер шоп»).
- Повышение степени концентрации торговли на основе ускоренного развития розничных сетей.
- Создание эффективной конкурентной среды для предотвращения монополизации кем-либо отдельных секторов товарных рынков.
- Активизация роли торговых структур в реализации социальной политики правительства Москвы в сфере потребительского рынка.

• Рационализация системы товароснабжения розницы на основе воссоздания крупных оптовых баз и развития современных распределительных центров.

Зарубежные торговые сети существуют в мире не одно десятилетие, при строительстве торговых точек за рубежом стараются учитывать все возможные факторы, осознавая, что один неучтенный фактор может привести к значительной потере прибыли. Учитывается макро-, мезо-, микроположение, логистика, подъездные пути, парковка, разрабатывается система марчендайзинга и т. д. В нашей стране это явление новое и многие аспекты не учтены, что ведет к получению меньшей прибыли или даже к закрытию магазинов.

Уже в ближайшие годы неизбежно возникнет острая необходимость в анализе и прогнозе развития сетей, то есть практической деятельности в этой области понадобится теоретическое обоснование. Изучение явления торговых сетей с позиций экономической географии приведет к получению дополнительного *экономического эффекта.*

1. Аналитические материалы, предоставленные компанией American Appraisal (AAR) Inc.
2. «Генеральный план развития Москвы до 2020 года и его реализация», Правительство Москвы, Москва, 2002 г., Комитет по архитектуре и градостроительству г. Москвы, ГУП НИиПИ Генерального плана города Москвы, Отдел Информации правительства Москвы.
3. Обзор рынка коммерческой недвижимости за 2006 г., консалтинговая компания Nobble Gibbons - http://www.noblegibbons.ru.
4. Терещенко Кирилл, «Глобальные сети в России: первые результаты и планы на будущее», Интернет-журнал розничной торговли «Мое дело». № 72. 16.12.2005.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

□.□. □□□□□□□□□□
(□. □□□□□□)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ США В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Mayorshina S.V.

THE NATIONAL PARKS OF THE USA IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

In the article questions of a modern condition of system of national parks of the USA are examined. The author analyzes the main aspects of evolution of the concept of national parks, special attention giving to the models of management of them.

Рекреация на природе стала неотъемлемой частью жизни современного человека. Все чаще во время отдыха туристы стремятся не только увидеть новые ландшафты и уникальные памятники природы, возрастает интерес и к истории территории, культурному наследию той или иной страны, области, района. Среди особо охраняемых территорий, предоставляющих разнообразные возможности и наилучшие условия для участия в различных видах рекреационной деятельности, несомненно, выделяются национальные парки мира, а среди них – Система национальных парков США, которая по праву занимает в мире ведущее положение по количеству объектов, их посещаемости и по тому значению, которое правительство США уделяет охране и сохранению природных, культурно-исторических и рекреационных объектов.

Американская идея создания так называемых «национальных парков», начавшись в середине XIX века с «выделения и изъятия из хозяйственной деятельности уникальных в природном отношении территорий» [1] на западе страны с целью их сохранения в первозданном виде для следующих поколений американцев, к началу XXI века трансформировалась в идею сохранения сотен исторических объектов, участков морских и озерных побережий, районов городской рекреации, протяженных троп, рек и объектов культурного наследия.

Эволюция концепции национальных парков во многом отражает изменения, произошедшие в американском обществе, разнородность его современной культуры. Объекты Системы национальных парков (СНП) США, называемые «национальными парками» независимо от их категории, стали привычной частью обыденной жизни американцев, оставаясь при этом предметом их национальной гордости. Сегодня объекты СНП во многом определяют систему ценностей современного американского общества, привлекают внимание нации к тем или иным страницам истории, объектам культуры, а не только (и не столько) к выдающимся памятникам природы, как это было в начале ее формирования.

Современная система НП США объединяет около 400 объектов, принадлежащих к более 20 категориям, среди них национальные побережья, национальные мемориалы, национальные исторические места, национальные резерваты, национальные зоны для рекреации и многие другие. Площадь объектов колеблется от 0,02 акра (Национальный памятник Тадеушу Костюшко в Пенсильвании) до 13,2 млн. акров (Национальный парк и резерват Рэнгелла – Св. Ильи на Аляске). Некоторые знаменитые национальные парки, как например, НП Йеллоустон (шт. Монтана и Вайоминг), полностью находятся в ведении федерального правительства, включая право собственности на землю и управление парком; другие, как например, Национальная зона для рекреации Острова Бостон Харбор (шт. Массачусетс),

управляются совместно федеральным правительством и целым рядом частных и общественных организаций, при этом Служба национальных парков (НПС) – федеральное управляющее агентство Министерства внутренних дел, т. е. государство, – не является собственником земли [2].

В последнее время появился новый тип охраняемых территорий, отражающий трансформированную концепцию национальных парков. Это территории (ареалы) Национального наследия, содержащие в основном объекты культурной и исторической ценности, многие из которых могут быть отнесены к V категории охраняемых ландшафтов согласно международной классификации Комиссии по национальным паркам и особо охраняемым территориям Международного союза охраны природы и природных ресурсов (см. Приложение), то есть к категории «охраняемые ландшафты», использование которых предусматривает охрану ландшафтов и рациональное природопользование, а также рекреацию на их территории. Сходство подобных объектов в разных странах мира отражает растущий интерес к истории и культуре в целом и необходимости рассматривать любые типы охраняемых территорий в контексте более крупных экосистем, элементами которых являются те или иные охраняемые объекты.

Такая перспектива, часто называемая «ландшафтным подходом» или «ландшафтной перспективой», требует тесного взаимодействия людей и окружающей их природной среды. Вместо того чтобы рассматривать охраняемые территории как изолированные участки земли, согласно данной концепции, такие объекты принято считать «живыми» или «подвижными» ландшафтами, изменяемыми в результате взаимодействия природы и общества. Масштаб и сложность таких ландшафтов часто требуетновых комплексных подходовк их сохранению и управлению. Поэтому в настоящее время сотрудничество и партнерство разного рода организаций в сочетании с ростом интереса и осознанием ответственности за национальное достояние населением стали главными факторами устойчивого развития национальных парков всех типов и категорий. Любой парк сегодня имеет свои схемы работы с общественностью, привлечения местного населения, определенную стратегию в области образования и просвещения в пределах территории, прилегающей к границам охраняемого объекта. В свою очередь, Служба национальных парков США (НПС) приветствует подобные инициативы и предоставляет техническую и финансовую помощь штатам, местным общинам, частным лицам и организациям, используя целый ряд целевых программ [3].

Идеи попечительства, надзора, «шефства» над парками, партнерства НПС с общественными и частными организациями в управлении национально значимыми охраняемыми территориями имеют глубокие корни. Примером давнего партнерства в управлении является *Национальный парк Глейшиа (Glacier NP),* шт. Монтана. Вошедший в СНП в 1910 г., НП Глейшиа, площадью более 1 млн. акров, стал одним из целой плеяды парков США, созданных благодаря влиянию железных дорог, построенных для развития туризма. Несмотря на то, что главная стратегия управления парком направлена на сохранение «классического характера парка запада», эта стратегия требует сотрудничества с местными, региональными и даже иностранными партнерами. Экосистема “The Crown of the Continent” («Корона континента»), частью которой является НП Глейшиа, включает горные районы северо-западной Монтаны и части канадских провинций Альберта и Британская Колумбия. Это одна из наиболее сохранившихся экосистем умеренного пояса.

На протяжении всей истории существования НП Глейшиа его руководство всегда осознавало необходимость партнерства. Посетители парка по сей день останавливаются в гостиницах и шале, построенных железнодорожными компаниями в начале 1900-х. Руководители парка и вожди местных племен в течение многих лет совместно работают над решением проблем населения индейской резервации Блэкфит, прилегающей к территории парка.

В 1932 г. НП Глейшиа и его северный сосед Вотертон Лейкс были объединены в первый на планете Международный парк мира. В 1995 г. *Международный парк Вотертон-Глейшиа (Waterton-Glaciwe International Peace Park)* был отнесен к категории объектов Всемирного Наследия и оба, и американский, и канадский парки, стали биосферными заповедниками.

Партнерство и сотрудничество разных уровней продолжает расширяться по мере того, как меняется характер землепользования на прилегающих к парку территориях, а также по мере того как опыт и научные исследования открывают все больше информации о сложной экосистеме парка. Помимо канадских соседей и представителей индейских племен, теперь парк

работает в партнерстве с еще целым рядом организаций, управляющих землями: среди них представители общественных организаций, частные землевладельцы, некоммерческие организации и т. п. Все они сочетают разнообразное использование ландшафтов с охраной природного комплекса мирового уровня. Например, парк возглавляет работу с управляющими лесов федерального уровня и уровня штата, охраняющими места обитания диких животных. Также парк помогает местным общинам в составлении планов землепользования, руководители парка сотрудничают с другими организациями в проектах по защите региональных водных ресурсов, отдельных видов животных и птиц. В плане работы парка подчеркивается что «ресурсы НП Глейшиа не статичны и не изолированы, а связаны с региональными экосистемами и тем, как эти экосистемы управляются, поэтому будущее ресурсов парка … в той же мере зависит от действий землевладельцев прилегающих территорий, как и от политики управления НПС» [3].

За последние 20–30 лет в Систему вошел целый ряд парков, для которых особенно важным стало совместное управление. Часто партнерство абсолютно необходимо, поскольку НПС не является единственным землевладельцем. *Создание Национального исторического резервата Эби'з Лэндинг (Ebey's Landing NHR),* шт. Вашингтон, возвестило образование парков нового типа. Парк сохраняет историческое сельское поселение XIX в., а действующие и сегодня фермы демонстрируют модели землепользования, внедренные поселенцами в 1850-х годах. Включив в Систему в 1978 г. новый парк, Служба национальных парков не планировала управление им традиционным образом: ответственность за управление землями перешла к местной администрации, а НПС стала предоставлять техническую помощь и обеспечивать до 50% средств, необходимых для функционирования парка, осуществляя контроль только в тех случаях, когда местная администрация не справлялась со своей ролью. Кроме того, приобретение земель на территории парка федеральным правительством осуществлялось только по принципу добровольности (тогда как ранее в практике НПС присутствовала и принудительная продажа земельных участков в пределах вновь образованного парка федеральному правительству и переселение местных жителей – *Примеч. автора*).

Такое отклонение от традиционной управленческой стратегии было необычным в конце 1970-х годов, хотя сейчас встречается часто. Концепция резервата сформировалась после возникновения т. н. «парков зеленой линии» в Англии, образованных после Второй мировой войны в попытке сохранения «рабочих» (промышленных, сельскохозяйственных) ландшафтов путем кооперации усилий государства и частных землевладельцев. Эта концепция смешанного использования и сотрудничества в управлении объектом организаций разного типа получила развитие и в США, где возрастала необходимость в охране земель при сокращении доступных фондов. На деле получилось, что в США объединили свои усилия администрации федерации, штатов и местные органы власти, разработав план и стратегию его осуществления для сохранения ресурсов края. НПС последовательно приобретает земли основных природных зон для охраны природных комплексов и культурных (промышленных, сельскохозяйственных) ландшафтов в пределах территории, объявленной резерватом. На оставшейся площади парка действует система зонирования и регуляции деятельности при добровольном сотрудничестве партнеров в управлении и местных жителей. В Эби'з Лэндинг НПС приобрела права на развитие ключевых объектов резервата, а для охраны и сохранения других объектов и территорий была использована комбинация различных управленческих стратегий: зонирование, налоговые льготы для землевладельцев при соблюдении ими определенных правил землепользования, передача земель в дар НПС и т. п. Парком управляет Совет попечителей, состоящий из представителей всех уровней власти (федерации (НПС), штата, округа, муниципалитета), всех партнерствующих организаций и местных жителей. В соответствии с концепцией Совета попечителей парка, 25 кв. миль территории резервата выделено для устойчивого развития – это зона, где располагаются исторические, но все еще действующие фермерские хозяйства, в лесах ведется вырубка спелых деревьев, здания 100-летней давности используются в качестве жилых и офисных помещений парка, а современные ландшафты во многом напоминают те, которые увидели первые поселенцы края в начале XIX века. В самом центре быстро развивающегося района Паджет Саунд Национальный исторический резерват Эби'з Лэндинг – единственная

территория, где можно увидеть историю Тихоокеанского Северо-Запада в современном контекстев действии.

Создание парка *Коридор национального наследия Джон Х. Чафи Блэкстоун Ривер Вэлли (John H. Chafee Blackstone River Valley National Heritage Corridor)* в Новой Англии является свидетельством признания государством инициативы местных жителей выделить для охраны и рекреации объекты природной, исторической и культурной значимости там, где они живут. Учрежденный в 1986 г. один из первых объектов культурно-исторического наследия, Коридор должен был увековечить роль региона в распространении индустриальной революции в Америке. Объект включает 454 кв. мили вдоль 46-мильного речного коридора между городами Ворсестер (шт. Массачусетс) и Провиденс (шт. РоудАйленд), 24 населенных пункта, тысячи зданий, улиц, площадей и раскрывает историю превращения аграрной страны в индустриальное общество.

В этом случае НПС не приобретает земли и не управляет ими, не регулирует отношения частных собственников В законодательном документе НПС о территориях культурно-исторического наследия говорится о создании «союза в управлении для координации действий партнеров» [4]. Такой «союз» дает возможность НПС предоставлять техническую и финансовую помощь, особенно на начальном этапе, когда местные инициативы должны перейти «от слова к делу» в создании парка, подразумевая в дальнейшем самостоятельное развитие объекта без долговременных обязательств федерального агентства. Более 500 общественных, коммерческих и некоммерческих организаций, частных предприятий, агентств и предпринимателей работают в партнерстве для развития регионального видения территории, подчеркивая важность региона для развития экономики страны. Учрежденная Конгрессом США федеральная комиссия «Союз партнеров в управлении Блэкстоуна» на протяжении многих лет работает в соответствии с основными направлениями выбранной стратегии, а именно: просвещение населения; партнерство, объединяющее местные и общегосударственные ресурсы; целевые инвестиции, направленные на развитие проектов, возбуждающих интерес к истории региона, его культурно-исторической значимости для страны.

Вошедшая в состав СНП в 1987 г. *Национальная Тропа Слез*[1] *(Trail of Tears NHT)*, увековечивает трагические события 1838–1839 гг., во время которых индейцы Чероки были изгнаны со своих земель на юго-восток США, где заселили выделенную им «индейскую территорию» в пределах современного штата Оклахома. Из более 16 тысяч Чероки, начавших свой путь на запад, несколько тысяч человек погибли, так и не добравшись до пункта назначения, многие умерли уже на новом месте от последствий тяжелого пути. Историческая тропа также увековечивает тот факт, что Чероки выстояли как этнос, сохранив свою культуру форму управления, историю и т. п. Историческая тропа воссоздает лишь два из многих маршрутов, которыми шли индейцы: 1266 миль вдоль рек Теннеси, Огайо, Миссисипи и Арканзас; и 826-мильный путь из юго-восточной части штата Теннеси в г. Тахлекуа, шт. Оклахома. Национальная Тропа Слез управляется совместными усилиями НПС, администраций штатов, групп заинтересованных волонтеров и частных землевладельцев. Созданная Конгрессом США в 1993 г. для управления объектом ассоциация представляет собой некоммерческую, самоуправляемую, независимую организацию, которая, сотрудничая с НПС, предоставляет населению информацию об объекте и помогает в проведении различных программ и мероприятий в пределах названной территории.

Национальные тропы существуют благодаря повсеместному вовлечению местного населения в управление землями и структурами парков и его поддержке. Цели и задачи троп (маршрутов) внутри таких парков многообразны и сильно отличаются друг от друга, поэтому очень важно партнерство с НПС, которая координирует их действия, производит мониторинг на территории парка, оказывает техническую и финансовую помощь. Другие участники процесса управления (общественные агентства, частные организации), отвечают за формирование новых и поддержание старых троп – участков маршрута, обеспечивая взаимопонимание с местными землевладельцами,

[1] Национальные тропы как категория объектов СНП возникли в 1968 г., когда были провозглашены две первые Национальные пейзажные тропы – Аппалачская (на востоке США) и Тихоокеанская тропа Крэст (на западе страны). Последующие законодательные акты расширили Систему пейзажных троп, включив аналогичные исторические и рекреационные объекты.

чьи интересы затронуты благодаря соседству с территорией национального парка; они также обеспечивают доступ населения на территорию объекта и его рекреационное использование.

Еще один вариант партнерских отношений между тремя основными землевладельцами – НПС, правительством штата и муниципалитетом – демонстрирует *Экологический и исторический резерват Тимукуан (Timucuan Ecological and Historic Preserve)*. Созданный в 1988 г. в шт. Флорида для сохранения одного из последних нетронутых участков переувлажненных территорий на побережье Атлантического океана, природный резерват также и важный исторический объект, поскольку на его территории имеются следы более чем 6000-летнего обитания человека. Парк располагается в пределах г. Джексонвилли округа Дюваль (шт. Флорида) и предоставляет возможности для рекреации на природе в пределах крупного городского центра, сохраняя также природные и культурно-исторические ресурсы парка. НПС координирует действия не только администрации штата Флорида и г. Джексонвилл, но и более 300 других землевладельцев, общественных и частных организаций и лиц, проживающих в границах парка (при этом НПС принадлежит только 30% земель) [2].

Вошедший в СНП в 1992 г., *Национальный исторический парк Марш-Биллингз-Рокфеллер (Marsh-Billings-Rockefeller NHP)* в г. Вудсток, шт. Вермонт, отражает новый взгляд на охрану природных и культурно-исторических ресурсов страны, хотя и является примером того, что покровительство и поддержка населения в подобных начинаниях имеет долгую историю. Парк очень специфичен, поскольку демонстрирует старейший образец устойчивого развития участка леса, осуществляемого при помощи современных практик ведения лесного хозяйства, одновременно являющегося «учебным пособием» для специалистов в этой области. Этот парк также является примером сохранения культурного ландшафта. Партнером НПС в управлении ресурсами парка является историческая ферма-музей семьи Биллингзов. Это фактически музей живой истории сельского прошлого Вермонта, а также действующая молочная ферма. НПС и ферма-музей Биллингзов рассказывают истории семей Джорджа Перкинса Марша, Фредерика Биллингза, а также Мэри и Лоренса Рокфеллеров[2], которые последовательно владели эти землями, и их роли в развитии и пропаганде охраны природного и культурно-исторического наследия района и вовлечения местных жителей в процесс содействия, поддержки и управления этими ресурсами[3].

Одним из недавно вошедших в СНП парков, для которых партнерство в управлении является неотъемлемой частью существования объекта, является еще один весьма специфический *Национальный исторический парк Ново-Орлеанский Джаз (New Orleans Jazz NHP)*, шт. Луизиана. Подобно НИП Марш-Биллингз-Рокфеллер, Ново-Орлеанский Джаз – это «парк-идея». Парк образован в 1994 г., чтобы увековечить происхождение и эволюцию наиболее широко известной формы музыкального искусства Америки. Культурный ландшафт парка – г. Новый Орлеан – многонациональное сердце Луизианской дельты Миссисипи, широко известен во всем мире как колыбель джаза. Такой объект очень необычен для Системы национальных парков, прежде всего, потому, что не имеет четких границ. Места, ассоциируемые с джазом в Новом Орлеане и рядом с ним, были проинспектированы и оценены с точки зрения их культурно-исторической значимости и, в зависимости от результатов этой оценки, были или не были включены в состав парка. Не имея границ, парк не имеет четкой территории и не является землевладельцем, у НПС лишь имеются обязательства аренды с правом строительства центра интерпретации и офиса парка на территории Парка Армстронга – городского парка в Новом Орлеане, названного в память об американском музыканте, «отце джаза», Луи Армстронге, поэтому главный партнер НПС в управлении парком – муниципальные власти г. Новый Орлеан. Образовательные программы, проводимые в центре интерпретации парка, включают живое исполнение джазовой музыки, рассказы о джазе,

[1] Все три упомянутые семьи были известными меценатами и пропагандистами идей охраны и сохранения природного и культурно-исторического наследия нации, делали крупные пожертвования, покупали и передавали в дар НПС земли, здания и т. п. – *Примеч. автора*.

[3] Среди структур парка – частный дом Мэри и Лоренса Рокфеллеров, который они передали в дар НПС. В доме собрана уникальная коллекция полотен американских художников, это своего рода галерея американской живописи. Одним из условий, при соблюдении которых дом переходил в ведение НПС, было содержание дома в таком состоянии, как будто Мэри и Лоренс просто «вышли из дому, чтобы выпить чашечку кофе». – *Примеч. автора*.

его истории, композиторах, известных исполнителях и т. п. Таким образом, вместо традиционного партнерства в управлении землями, в данном парке НПС сотрудничает с городом Новый Орлеан и другими организациями и частными лицами в увековечивании формы музыкального искусства.

Приведенные выше примеры демонстрируют одну из важнейших тенденций современного этапа формирования Системы национальных парков США (этапы – см. [1]). С одной стороны, речь идет о закономерном преобладании исторического типа объектов, включаемых сегодня в СНП. С другой стороны, мы отмечаем не только преобладающий тип объектов, но и современные модели управления парками. Классические для СНП модели землевладения (т. е. такие, где вся или большая часть земель, на которых располагается парк, являются федеральной собственностью) и, соответственно, управления (имеется в виду управление объектом исключительно НПС), сегодня часто не подходят для тех типов ресурсов, которые на современном этапе считаются национально значимыми и предлагаются для включения в Систему НП для сохранения и рекреационного использования. Как и во многих странах мира, в США поддержка инициатив Службы национальных парков населением все чаще выражается в различных видах партнерства в землевладении и управлении охраняемыми территориями. За многие годы существования СНП Конгресс США, Служба национальных парков и их партнеры выработали гибкие и устойчивые механизмы для поддержания устойчивого развития объектов национального наследия и сохранения их для новых поколений американцев. Все это вносит свой вклад в осуществление миссии Службы национальных парков, которая гласит: «Служба национальных парков сохраняет нетронутыми природные и культурные ресурсы и ценности Системы национальных парков для удовольствия, образования и вдохновения нынешнего и будущих поколений. Национальная парковая служба сотрудничает с партнерами для улучшения охраны природных и культурных ресурсов и рекреации как в стране, так и по всему миру» [2]. В современной интерпретации миссии НПС добавлено: «В более широком смысле, миссия НПС – в построении общества, граждане которого считают своим долгом хранить свое национальное наследие» [4]. Нам представляется, что данная тенденция весьма интересна и перспективна и для российских национальных парков и других охраняемых территорий страны, имеющих как природную, так и историко-культурную составляющую.

Категории особо охраняемых природных территорий (в соответствии с классификацией Комиссии по паркам и особо охраняемым территориям Международного союза охраны природы и природных ресурсов, 1994 г.) [3].

I. Строгий природный резерват (нетронутые/девственные территории). Используются главным образом для научно-исследовательских целей или охраны девственных территорий.
II. Национальный парк. Использование предусматривает охрану экосистем и рекреацию.
III. Памятник природы. Главная цель – охрана специфических природных объектов и рациональное природопользование.
IV. Районы мест обитания растительных и животных видов. Охрана природной среды обитания растительных и животных видов и рациональное природопользование.
V. Охраняемые ландшафты (суши или водные). Охрана ландшафтов, рациональное природопользование и рекреация.
VI. Охраняемые территории управляемых ресурсов. Цель – обеспечить устойчивое развитие природных экосистем.

1. Майоршина С.В. Географические проблемы рекреационного использования Системы национальных парков США. Дисс. ... канд. геогр. наук. – М.: МПГУ, 2002. – 182 с.
2. The National Parks: Index 1999–2001. Produced by the office of Public Affairs and the Harpers Ferry Center Division of Publications. U.S. Department of the Interior, Washington, D.C., 2001. – 128 p.
3. Branching Out. Approaches on National Park Stewardship. NPS U.S. Department of the Interior. – Eastern National, Fort Washington, Pennsylvania USA, 2003. – 32 p.
4. Management Policies 2001, NPS U.S. Department of the Interior, 2000. – 137 p.
5. Официальный веб-сайт НПС США: www.nps.gov

□.□. □□□□□□□□□□□
(□. □□□□□□)

РЕГИОН КАСПИЙСКОГО МОРЯ КАК УЗЕЛ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ [1]

Kramarenko A.V.

THE CASPIAN SEA REGION AS CROSS-POINT OF GEOPOLITICAL CONTRADICTIONS

Geopolitical situation in Caspian Sea region was analysed. Geopolitical strategies of dominant players in a context of struggle for region's hydrocarbon resources were considered. The tendencies of use of oil production and construction of export pipelines as tools of expansion of geopolitical influence were observed.

Проблема комплексного подхода к изучению различных факторов, влияющих на геополитическую обстановку в тех или иных регионах мира, является одной из наиболее востребованных в современной географии. Кроме научного, она также имеет важное прикладное значение, выражающееся в оценке текущей ситуации в регионе и моделировании ее развития. Кроме комплексного анализа, возможно сравнение с другими регионами мира, в которых наблюдаются схожие условия развития геополитической ситуации.

Изучение геополитической ситуации в регионе Каспийского моря[2] лежит на стыке общественной географии, геополитики и политологии. Отличительной особенностью работы является ее дискуссионность, поскольку геополитический кодекс государства не является письменным документом – обычно отдельные концептуальные основы государственной политики изложены в ведомственных стратегиях и доктринах, либо вообще не имеют официального изложения. В подобной ситуации комплексный подход, позволяющий оценить влияние на геополитическую ситуацию в регионе целого ряда факторов, в первую очередь внешнеполитического, экономического, военного и энергетического, является действенным методом исследования данной проблемы.

Новизной данного исследования является комплексный учет всех факторов, влияющих на формирование геополитической ситуации в регионе и пространственно-географический анализ геополитических стратегий ведущих акторов. Изучению Каспийского региона уделено достаточное внимание как в географии, так и в других общественных дисциплинах, однако подавляющее большинство исследований концентрируется на раскрытии одного–двух факторов, в то время как данная работа базируется на оценке влияния и синтезе главных формирующих геополитическую ситуацию факторов (внешнеполитического, экономического, военного и энергетического).

Важнейшими теоретическими категориями, на которых основано проведенное в данной работе исследование, являются геополитическая стратегия и национальные интересы. Историческим ядром геополитики выступает география, ориентирующаяся на исследование прямых и обратных связей между свойствами пространства и балансом мировых центров силы. Методологическим ядром геополитики при этом является «моделирование» на общепла-

[1] Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ № 06-06-80308.

[2] Под «регионом Каспийского моря» понимаются следующие страны: Азербайджан, Грузия, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан и Узбекистан. Грузия и Узбекистан не имеют непосредственного выхода к морю, но Узбекистан тесно связан с ним в экономическом и политическом отношениях, а Грузия занимают ключевое транспортно-географическое положение по отношению к Азербайджану в частности и Каспийскому региону в целом. С другой стороны, представляется нецелесообразным относить такие значительные государства, как Иран и Россия, целиком к региону Каспийского моря. Скорее, к этому региону, выделенному по физико-географическим и экономическим критериям, следует относить лишь прибрежные территории этих стран, что в какой-то мере верно и для Казахстана. Но, оперируя геополитическими категориями, мы должны отнести к Каспийскому региону все семь стран полностью, поскольку ключевым субъектом геополитики является государство.

нетарном уровне, хотя в составе этой научной дисциплины существуют и региональные и локальные разделы. Тем не менее, региональные и локальные проблемы могут успешно исследоваться только в контексте указанного методологического ядра, т. е. следуя от общего к частному [6].

Необходимо вкратце осветить вопрос вхождения геополитического метода исследования в состав географической науки. География как система естественных и общественных дисциплин нацелена на исследование пространственных взаимодействий естественных и общественных компонентов на различных иерархических территориальных уровнях – от локальных до глобальных. Современная географическая наука обладает также существенным методологическим интеграционным потенциалом и может выступать в качестве лидера в геополитических исследованиях. Практически все географы XX в. подходили исторически к значению «географического фактора» в геополитике, что и позволяет определить геополитику как географическую дисциплину [6].

Основная задача данной статьи – анализ сложившейся в регионе Каспийского моря геополитической обстановки, факторов, повлиявших на ее становление в нынешнем виде, и возможного сценария развития событий. Основное внимание в работе уделено изучению геополитических стратегий ключевых государств, имеющих интересы в этом регионе (геополитических акторов) в контексте их стремления к расширению собственной сферы влияния и реализации национальных интересов. В тесной связи с геополитическими стратегиями этих стран изучены и их геоэкономические стратегии (как формы экономического контроля над пространством). Ввиду наличия богатых запасов полезных ископаемых на передний план в стратегии геополитических акторов в Каспийском регионе выходит обеспечение национальной энергетической безопасности, выражающееся в установлении контроля над добычей нефти и природного газа в других странах и транспортировкой энергоносителей, а также стратегии максимизации геополитических выгод от этого. Однако наряду с экономическими, необходимо учитывать и традиционные методы обеспечения национальных интересов такие, как военное присутствие в ключевых странах и регионах.

В целом, регион Каспийского моря характеризуется следующими особенностями, которые обусловливают формирование текущей геополитической ситуации. К их числу необходимо отнести выгодное геополитическое и транспортно-географическое положение, богатые запасы энергетического сырья, политическую неоднородность и разобщенность стран региона, пересечение интересов крупных и моровых держав за контроль над регионом. В числе других мировых аналогов, с которыми могут проводиться параллели в настоящем исследовании, в первую очередь выделяется регион Персидского залива.

Обсуждение результатов: геополитическая ситуация и «многостороннее соперничество» в регионе Каспийского моря. В регионе Каспийского моря проявляются интересы нескольких государств: Ирана, Китая, России, США, Турции. Однако лишь два актора – Россия и США – преследуют свои национальные интересы в регионе по всем основным направлениям (военному, дипломатическому экономическому и энергетическому) и имеют возможность для проведения активной политики.

По этим причинам данный регион можно рассматривать именно как узел геополитических противоречий, однако максимальный интерес для исследования представляют геополитические стратегии России и США в тесной связи с их энергетической политикой.

Регион Каспийского моря вследствие своего нахождения в центре Евразии обладает уникальным геополитическим и экономико-географическим положением. Контроль над ним позволяет оказывать влияние на ситуацию на огромной территории от Черного моря до Аравийского. Он издавна был ареной соперничества различных государств. Последние три столетия ознаменовались приходом сюда России, которая в неоднократных войнах с Персией и Турцией получила статус влиятельнейшей державы. И вплоть до распада СССР приоритет России на контроль над этой частью Евразии никем не оспаривался. После указанного распада у соседних государств США появилась возможность проникнуть в этот – прежде закрытый для них – регион, расположенный в центре Евразийского материка, которой они не преминули воспользоваться.

К выгодному геополитическому положению стран бассейна Каспийского моря надо добавить и их экономико-географическое положение. Через них лежит кратчайший путь от китайских портов на Тихом океане в Европу. Идеи сооружения транспортных мостов с востока на запад Евразии обсуждаются уже давно.

Новый гипотетический «Великий шелковый путь» (Китай–Казахстан–Азербайджан–Грузия–Украина–ЕС) будет существенно короче пути по Транссибу.

Существенной особенностью региона является наличие богатых запасов полезных ископаемых, на первом месте среди которых стоят нефть и природный газ. И хотя вопрос об окончательномразмере резервов углеводородного сырья на шельфе Каспийскогоморя остается пока дискуссионным, они в любом случае представляют немалый интерес.

С точки зрения обеспечения энергетическими ресурсами этот регион не является жизненно важным ни для одной из заинтересованных в контроленад ним стран. В России подавляющая часть нефти и природного газа добывается из месторождений Западной Сибири, в Иране – в провинции Хузестан. Соединенные Штаты импортируютэнергоносители из Венесуэлы(21%), региона Персидскогозалива (17,5%), Канады (16%), Западной Африки (14,5%) и Мексики(12%), Китай – в основном из Персидскогозалива (34,5%), Юго-Восточной Азии (18%) и западной Африки(17%) [12]. Несмотря на это, за контроль над регионом Каспийскогоморя началось противостояние, продолжающееся уже почти полтора десятка лет. Возможно потому, что хотя сейчас углеводородные ресурсы Каспийскогоморя и не играют заметной роли в мире, но это не значит, что в будущем их значение не возрастет. Несомненно, что и в XXI в. одним из ключевых моментов внешней политики ведущих государств будет обеспечение энергетической безопасности. Попытки установить контроль над производствомитранспортировкойэнергоресурсов, стремление обезопасить регионы добычи от каких-либо политических (а тем более военных) катаклизмов приводят к желанию диверсифицировать поставщиков нефти (поскольку арабские государства, которые сосредоточивают в своих руках почти 70% запасов и около 35% добычи, не отличаются стабильностью). И здесь на первый план выдвигаются такие регионы, как Западная Африка, Россия и Каспий – которые обладают значительными резервами и в недалеком будущем могут существенно нарастить добычу.

После распада СССР регион Каспийского моря превратился в арену геополитического противоборства сразу между несколькими государствами. В это «многостороннее соперничество», как охарактеризовал ситуацию здесь З. Бжезинский [1], оказались вовлечены США, Россия, Турция, Иран, частично Китай.

Соединенные Штаты после распада СССР остались единственнойсверхдержавой в мире, в зону интересов которой входит весь мир. И новые независимые государства– не исключение. США, будучислишком удаленными от Евразии, не могут полностью контролировать ее ни в военном, ни в экономическомотношении. Поэтому целью США является так называемый «интегрированный контроль» над Евразией – создание такой ситуации, когда на территории материка существует большое количество конкурирующихдруг с другомцентров силы, ни один из которых в одиночку не в состоянии бросить вызов Америке [1]. Необходимо предотвратить создание возможных союзов между евразийскими государствами, которые имели бы антиамериканскуюнаправленность. В соответствии с этой стратегией, после распада СССР основной целью для США стало предотвращениезаметного усиления России в регионе Каспийского моря, что нанесло бы ущерб геополитическимиинтересам Соединенных Штатов. Основными противовесами России в этом регионе должны были стать Узбекистан и Азербайджан, а главными объектами американских интересов – Украина, Азербайджан и Казахстан (как своеобразные щиты, прикрывающие от распространения российского влияния Закавказье и Среднюю Азию соответственно) [1]. Закономерно, что Азербайджан превратился в главный объект интересов Соединенных Штатов.

Понятно, что основной целью американской политики было выведение Азербайджана из-под влияния России и получение контроля над значительными, хотя, как считают многие эксперты, и преувеличенными запасами нефти и газа. Американские и британские компании сейчас контролируют практически все нефтегазовые ресурсы на азербайджанском шельфе моря. Сейчас ни правительству США, ни нефтяным компаниям пока не выгодно выбрасывать на рынок значительное количество нефти. Контроль над такими ресурсами, однако, имеет вполне ощутимое политическое назначение – как средство давления на арабские страны и Россию под угрозой обрушить цены на нефть.

Активное проникновение США в Азербайджан имело целью не только нейтрализовать возможную активизацию политики России в южном направлении, но и контролировать влияние Турции и Ирана в этом регионе.

В отношении Ирана такая политика легко объяснима – эта страна является принципиальным идеологическим противником Соединенных Штатов. И США удалось в значительной степени ограничить влияние Тегерана, которое практически не распространяется на Азербайджан и во всем Каспийском регионе заметно лишь в Туркменистане. С Турцией ситуация сложнее: вот уже много лет она является одним из главных союзников США на Ближнем Востоке. Но сейчас усилившаяся Турция превращается в конкурента Соединенных Штатов на постсоветском пространстве. И одна из целей политики США – не дать ей резко усилить свое присутствие в этом регионе.

Другое направление американской политики в Прикаспии – Казахстан. Основные аспекты американской стратегии в отношении Казахстана аналогичны проводимой по отношению к Азербайджану, с той лишь разницей, что полный контроль над Казахстаном не являлся возможным. Казахстан осуществляет довольно тесное политическое и экономическое сотрудничество с Россией. Скорее всего, такая ситуация сложилась из–за сложного этнического состава населения Казахстана: в частности, присутствия значительной русскоязычной диаспоры. Сильное давление извне привело бы к внутренней напряженности и, в конечном счете, – к распаду государства

Реализация еще одного направления американской политики – контроля над экспортом энергоносителей из региона – также различается в отношении Азербайджана и Казахстана. Если для экспорта нефти из Казахстана единственным выходом был транзит через территорию России (и строительство позднее нефтепровода в Китай), то для азербайджанской нефти США предполагают другой маршрут. Это выражалось в настойчивом продвижении проекта Баку–Тбилиси–Джейхан, а ранее – в содействии реконструкции нефтепровода Баку–Супса.

После 11 сентября 2001 г. наметилась отчетливая тенденция: Соединенные Штаты стремятся усилить свое военное присутствие в Каспийском регионе. Этим способом они пытаются решить две задачи: усилить свое политическое влияние и привнести стабильность в регион, пока он не стал очагом терроризма и исламского фундаментализма (в последнем случае это полностью совпадает со стратегической линией России). США пытаются любыми средствами, в том числе и активным применением военной силы, успокоить страны «дуги нестабильности».

Создание военных баз в Таджикистане (в Курган–Тюбе и Кулябе) и Киргизии (в Манасе) и планирование таковых в Грузии и Азербайджане, военный контроль над значительной частью территории Ирака и Афганистана, широкое военное присутствие в Турции – все это характеризует степень американского военного влияния в регионе и на его границах. Расширение собственного военного присутствия сопровождается непрекращающимся давлением на Россию с требованием вывести свое войска из Грузии, Армении и Таджикистана. Но готовы ли США взять на себя ответственность за обеспечение безопасности региона, как готова сделать это Россия? Не приведет ли эскалация напряженности к экстренной эвакуации американских войск и превращению «дуги нестабильности» в огромную «черную дыру» – аналог Афганистана?

Турция с окончанием холодной войны и распадом социалистического блока во многом потеряла свое геополитическое значение для стран Запада. Но вместе с тем, для нее открылась уникальная возможность расширить свое влияние в регионе за счет новых независимых государств, население многих из которых (Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизия, в значительной степени Казахстан) входит в тюркскую языковую группу. Кроме того, Анкара получила возможность оказывать воздействие на довольно многочисленную тюркоязычную общину в самой России. Можно сказать, что роль Турции резко изменилась: из геополитического противовеса влиянию Советского Союза на Ближневосточный регион она превратилась в активного игрока на постсоветском пространстве. Турция является на сегодняшний день самым мощным экономическим, политическим, военным и культурным центром региона. Основные объекты экспансии Турции на постсоветском пространстве – Кавказ и Средняя Азия: Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан.

Турция также пытается повысить свое влияние за счет ориентации на свою территорию маршрутов экспортных трубопроводов из прикаспийских государств. В недалеком прошлом Анкара добилась значительных успехов на этом поприще, добившись строительства газопроводов из России («Голубой поток») и Ирана. Но это принесло немалые проблемы стране: после экономического кризиса оказалось, что прогнозы потребления природного газа в стране оказались существенно завышенными.

Продвигая сомнительный с экономической точки зрения проект Баку–Тбилиси–Джейхан, Турция пыталась упрочить свое влияние на Азербайджан (и, если будут построены транскаспийские трубопроводы, на Казахстан и Туркменистан) и задействовать простаивающие нефтеналивные терминалы в порту Джейхан мощностью 120 млн тонн в год.

Однако прошедшее десятилетие показало, что Турция пока не готова к роли лидера для всех тюркоязычных стран. Экономический кризис, случившийся в 2001 г., и внутренняя нестабильность не позволяют ей активно участвовать в делах региона. По всей видимости, ситуация в обозримом будущем не изменится для этой страны к лучшему, тем более что пока вектор турецкой политики устремлен на Евросоюз.

Иран также принадлежит к числу стран, заинтересованных в расширении своего влияния на регион Каспийского моря. Однако его активность очень невелика и ограничивается в основном Туркменистаном и Таджикистаном. Сложный этнический состав населения вынуждает Иран сбалансированно подходить к внешней политике в регионе, поскольку неосторожное движение может разрушить национальное равновесие в стране. Поэтому получение независимости Азербайджаном чрезвычайно насторожило Иран: если тот преуспеет в экономическом развитии, среди иранских азербайджанцев, вероятно, будет укрепляться идея создания Великого Азербайджана.

Другая особенность Ирана – страна считается оплотом исламского фундаментализма. С 1979 г. власти страны демонстрировали готовность распространить исламскую революцию на другие мусульманские страны. В умеренных формах это относится и к бывшим советским республикам. Однако политику Ирана в отношении новых независимых государств Средней Азии и Кавказа после распада СССР можно в целом оценить как конструктивную и не отягощенную идеологическими нагрузками.

Иран не заинтересован в скорейшей разработке углеводородных ресурсов Каспийского моря. Страна находится на четвертом месте в мире по добыче нефти и на втором по доказанным запасам (200 млн т и 18,9 млрд. т соответственно в 2005 г. [12]). Добыча нефти и производство нефтепродуктов обеспечивают около 14% ВНП Ирана и более 85% экспортных поступлений [14]. То же самое касается и природного газа. Понятно, что лишние конкуренты не нужны Ирану: каспийские нефть и газ, выйдя на рынок, могут существенно снизить цены на энергоносители, тем самым сократив экспортные доходы.

Каспийское направление никогда не было главным во внешней политике Ирана в обозримом прошлом. Основные экономические и транспортные центры страны обращены к Персидскому заливу, и ближневосточное направление всегда доминировало. Определенная активизация на каспийском направлении произошла после распада СССР и была вызвана появившейся возможностью расширить свое политическое влияние и получить доступ к энергетическим ресурсам морского шельфа Каспия.

Основные усилия Ирана в этом регионе были сосредоточены на двух направлениях: недопущении возвышения статуса Азербайджана и препятствовании разработкам каспийских энергоносителей (в крайнем случае – управлении их поставками на мировой рынок). Кроме этого Иран был готов направить потоки сырья в свою сторону: привлекательный для него вариант (и самый выгодный для новых независимых государств) – это поставки нефти и газа с месторождений Каспийского моря в энергодефицитные густонаселенные северные районы страны с одновременной отгрузкой такого же количества нефти и газа в иранских портах Персидского залива. Подобного рода операции выгодны, по крайней мере, за счет экономии на транспортных расходах. Но напряженные отношения Тегерана с США и почти полная зависимость новых независимых государств от Вашингтона блокируют эти инициативы.

Экономическая экспансия Ирана в этом регионе выражена не так явно, как политическая, но сотрудничество в самых различных сферах (особенно транспорт, инженерно-технические услуги) с новыми независимыми государствами с каждым годом продолжает расширяться. Особенно заметно иранское экономическое влияние в Таджикистане, Туркменистане и Армении (для последней Иран остается практически единственным выходом во внешний мир).

В целом стратегические цели Ирана в регионе Каспийского моря практически совпадают с российскими. В значительной мере это вызвано противостоянием экспансии США. Жесткое идеологическое противоборство Ирана с США вынуждает его искать союзников среди стран, так или иначе недовольных установившейся гегемонией. Россия, где все еще сильны постимперские и антиамериканские настроения,

видит в Иране своего тактического союзника. Но стратегический союз России с Ираном представляется маловероятным.

Россия в результатесобытий 1990-х гг. утратила гегемонию в регионе Каспийскогоморя и стала лишь одним из участников «многостороннего соперничества». Обладая здесь неоспоримым преимуществом перед другими странами, Россия пока не могла им воспользоваться. Ситуация усугублялась тем, что руководство страны не имело какого-либо осмысленного плана действий на Каспии, и только в самом конце 1990–х гг. российская политика стала приобретать внятные очертания, но и то только по отдельным проблемам.

С самого начала основной проблемой было определение правового статуса Каспийского моря. Причем она имела далеко идущие последствия: от этого зависела разработка углеводородныхресурсовна шельфе и пути их дальнейшей транспортировки. Первоначально Россия заняла оправданную текущей ситуацией, но бесперспективную позицию: затянуть процесс определения статуса и тем самым не допустить скорого начала добычи нефти и газа на каспийскомшельфе. Бедные, энергетически и экономически зависимые от нее страны России было бы контролировать гораздо легче, чем процветающие на доходах от экспорта нефти. Сходную позицию занял и Иран. Однако впоследствии победила прагматичная позиция, заключавшаяся в том, что Россия может получить значительные выгоды от добычи углеводородныхресурсов в собственном секторе Каспия, однако для этого требуется определить его правовой статус. Россия подписала договоры о секторальном разделе дна моря с Казахстаном и Азербайджаном.

Актуаленвопрос, насколькоВелика вероятность усиления влияния России в регионе Каспийского моря? Создание баз НАТО существенно снижают военную зависимость постсоветских государствот России. Экономическая зависимость этих государствот России также постоянноуменьшается, ее доля во внешней торговле Азербайджана уступает Турции и Ирану, Грузии– Турции и США, Туркменистана – Турции и Ирану. Хотя и преуменьшать зависимость от России постсоветских государств нельзя: через Россию пролегаютосновные маршруты экспорта нефти и газа из Казахстана и Туркменистана, Россия служит местом притока многочисленных гастарбайтеров из прикаспийских стран. Она является доминирующей военной силой в Прикаспийскомрегионе, имея военные базы в Армении, Таджикистане и Киргизии. Но очевидные преимущества надо еще уметь использовать, и зависит тут все только от самой России.

Одно из основных направлений российской политики – это борьба за формирующиеся потоки нефти и газа – часть более обширной стратегии контроля над транспортными путями из региона. Известно, что это – весьма эффективное средство воздействия как на экспортеров, так и на импортеров энергоносителей. Вначале Россия добилась существенных успехов: построен нефтепровод Тенгиз–Новороссийск, мощность которогопредполагается довести до 67 млн т, построен газопровод Туапсе–Самсун («Голубойпоток»), подписан контракт на поставки туркменскогогаза до 2028 г. по системе Средняя Азия–Центр и предполагаемому Прикаспийскому газопроводу; продолжают действовать нефтепроводы Баку–Новороссийск и Атырау–Самара. Но строительство нефтепроводов из Азербайджана в Турцию и из Казахстана в Китай существенным образом ослабило возможность России влиять на ситуацию в регионе и оказывать нажим на соседние государства

Второе направление – достижение геополитического контроля над прикаспийскими странами. Известно, что новые независимые государства оказались (в разной степени) нежизнеспособными образованиями ни с политической, ни с экономической точек зрения. Поэтому и усилия России должны быть направлены на конвертацию экономическоговлияния в регионе в политическое.

Азербайджан называют «воротами на Каспий»: выгодное географическое положение и значительные запасы энергоресурсов делают его главным объектом борьбы за влияние на Кавказе и в Прикаспии. Но Азербайджан как сфера политическоговлияния уже практически потерян для России. Приток иностранных инвестиций позволяет поддерживать на плаву экономикуреспублики, которая все более приобретает сырьевую направленность. Баку находится под сильным политическим влиянием США и Турции. Россия занимает сейчас незначительное место во внешней торговле Азербайджана, и реальных рычагов экономического влияния у нее практически не осталось.

Наиболее важное для России направление– Казахстан. Значительное славянское население страны заставляет казахстанское руководство

идти компромиссным внешнеполитическим путем, дабы обеспечить внутреннюю стабильность и, в конечном счете – целостность государства. Кроме того, экономика республики тесно связана с российской, особенно в энергетическом секторе. Не будет преувеличением сказать, что Казахстан вынужден иметь тесные отношения с Россией: слишком сильна транспортная, политическая и экономическая связь с ней. Акцент в отношениях с ним надо делать на взаимовыгодном экономическом сотрудничестве, постепенной политической интеграции, сохранении и усилении транспортной зависимости Казахстана от России, в том числе и в нефтегазовой сфере.

Сейчас сложилась ситуация, при которой для России Каспийский регион (вместе с Дагестаном и Калмыкией) представляет собой экономическую пустыню. В регионе нет явно выраженных экономических интересов России, не разрабатываются и даже достоверно не разведаны запасы нефти и газа на шельфе российского сектора моря, контейнерный мост Усть-Луга–Оля–Энзели не удается запустить уже долгие годы, ввиду отсутствия экономической основы под предполагаемыми грузопотоками. Пока у России не будет рациональной, долгосрочной и ориентированной на жесткую защиту национальных интересов каспийской политики, не будет успехов.

Итак, ситуация в регионе Каспийского моря характеризуется высокой степенью неопределенности и поливариантностью развития событий. Пространственно-географический анализ влияния основных акторов в регионе (России и США) показывает, что интересы и влияние Соединенных Штатов в основном концентрируются в западном макрорегионе Прикаспия (Закавказье: Азербайджан и Грузия), в то время как Россия наибольшие интересы имеет в Восточном макрорегионе (Средняя и Центральная Азия: Казахстан, Узбекистан и Туркменистан). При этом оценка потенциала изменения влияния говорит о преимущественной возможности усиления позиций России в рассматриваемом регионе, геополитическое значение которого будет в ближайшие годы усиливаться ввиду роста объемов поставок углеводородного сырья на мировой рынок.

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. – М., 2003.
2. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2003.
3. Гусейнов В.А. Каспийская нефть. Экономика и геополитика. – М., 2002.
4. Ежегодник СИПРИ 2004. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М., 2005.
5. Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Основы обеспечения безопасности России. – М., 2003.
6. Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М., 2004.
7. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003.
8. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М., 2005.
9. Региональная безопасность: геополитические и геоэкономические аспекты (теория и практика) / Под общ. ред. А.В. Возженикова. – М., 2006.
10. Рубан Л.С. Каспий – море проблем. – М., 2003.
11. Санаи М. Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ (социально-политические и экономические аспекты). – М., 2002.
12. Экономическая и национальная безопасность / Под ред. Е.А. Олейникова. – М., 2005.
13. Глумов И.Ф., Сенин Б.В. Геолого-геофизические исследования и нефтегазовые ресурсы Каспийского моря.
14. Золотарев П.С. Новые базы США привязаны к регионам нестабильности // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 31.
15. Каспий // Нефть и капитал. – 2003. – № 9.
16. Мухин В. Военные вызовы Каспийского региона // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 1.
17. Семенович В. Сколько нефти в Прикаспии? // Нефть России. – 2001. – № 7.
18. Соловьев В., Иванов В. Военно-базовая удавка // Независимое военное обозрение. – 2004. – № 7.
19. Тагиев Т. Каспийский фантом // Нефтегазовая вертикаль. – 2003. – № 4.
20. Хусаинов Б. Трансфертные потери // Эксперт–Казахстан. – 2002. – № 18.
21. Шорохов В. Новые пути российской нефти // Эксперт. – 2002. – № 13.
22. The BP Statistical Review of World Energy (2003–2006 гг.).
23. The OPEC Annual Report (2003–2005).
24. www.azstat.org (официальный сайт Государственного комитета по статистике Азербайджана)
25. www.bp.com (сайт компании British Petroleum)
26. www.eia.doe.gov (сайт Energy Information Administration)
27. www.lukoil.ru (сайт компании «ЛУКОЙЛ»)
28. www.ngv.ru (сайт журнала «Нефтегазовая вертикаль»)
29. www.nvo.ng.ru (сайт газеты «Независимое военное обозрение»)
30. www.oilru.com (сайт журнала «Нефть России»)
31. www.rosneft.ru (сайт компании «Роснефть»)
32. www.rusenergy.com (сайт информационного агентства RusEnergy)
33. www.transneft.ru (сайт компании «Транснефть»)

ХРОНИКА

□.□. □□□□□□□,
□.□. □□□□□□□□□,
□. □□□□□□

СМОЛЕНСК КАК ПЕРЕКРЕСТОК ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

Rudsky V.V., Lisenkova Z.V., Fruheauf M.

SMOLENSK AS A CROSSING OF THE EAST-EUROPEAN GEOGRAPHY, HISTORY AND POLITICS IN THE PAST, PRESENT AND THE FUTURE

С 2005 по 2007 год Смоленский гуманитаный университет по гранту Германской службы академических обменов (ДААД) проводит двухнедельную Летнюю школу «Смоленск как перекресток восточно-европейской географии, истории и политики в прошлом, настоящем и будущем».

Идея организации и проведения Летней школы в г. Смоленске принадлежит профессорам: Виктору Рудскому (Россия, Смоленский гуманитарный университет) и Манфреду Фрюауфу (Германия, Университет Мартина Лютера Галле-Виттенберг). Сотрудничество обоих профессоров началось в 1990-е годы и стало основанием для проведения совместных географических и геоэкологических исследований в различных регионах России и Германии. Под научным руководством В. Рудского и М. Фрюауфа было подготовлено несколько дипломных и диссертационных работ как в Германии, так и в России. С 2002 года научные контакты Виктора Рудского и Манфреда Фрюауфа продолжились в Смоленской области. В 2002–2005 гг. профессор М. Фрюауф во время своих посещений Смоленска по приглашению руководства Смоленского гуманитарного университета (СГУ) выступал с докладами перед преподавателями СГУ, а также с лекциями для студентов университета. Вместе с профессорами-географами СГУ он совершил несколько научных экскурсий по Смоленской, Брянской, Орловской и Курской областям, посетил национальный парк «Смоленское Поозерье».

В этот же период (2002–2005 гг.) профессор В. Рудский несколько раз был в Галле, принимал участие в работе научных конференций (в том числе конференции, посвященной 500-летию Университета Мартина Лютера в 2002 г.) и читал лекции студентам-географам Университета Мартина Лютера. В октябре–декабре 2003 года и в декабре 2005 г. – январе 2006 г. профессор В. Рудский работал в Галле над совместным с профессором М. Фрюауфом проектом, посвященном изучению степной зоны Евразии. Большой интерес к совместным географическим и геоэкологическим исследованиям проявили как преподаватели данных (т. е. в Галле и Смоленске) университетов, так я ряда других университетов России и Германии (в частности Московского государственно университета им. М.В. Ломоносова, университета в г. Марбург и Дрезденского технического университета).

Многолетнее сотрудничество профессоров М. Фрюауфа и В. Рудского по проведению научных исследований и подготовке специалистов-географов привело к возникновению идеи о необходимости более тесного изучения студентами Германии и России наших стран-партнеров. Хорошую возможность для такого изучения реальной социальной, культурной, экономической и экологической ситуации во время личного пребывания в стране предоставляет Германская служба академических обменов (ДААД), оказывая финансовую поддержку студентам в виде грантов. ДААД в форме Летних

школ дает возможность организовать кратковременное, но интенсивное обучение студентов по программе, заранее разработанной руководителями школы и согласованной с ДААД. Таким образом, идея М. Фрюауфа и В. Рудского об изучении студентами из Германии современной России получила свое воплощение при поддержке ДААД. На базе Смоленского гуманитарного университета организованы и проведены уже три летние школы: в 2005, 2006 и 2007 гг. Выбор Смоленского гуманитарного университета как базового вуза для проведения летней школы не случаен: СГУ имеет хороший опыт организации и выполнения международных научных и образовательных проектов, а также проектов, поддержанных Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Российским гуманитаным научным фондом (РГНФ). Кроме этого в университете сложился высокопрофессиональный коллектив преподавателей, особенно на географическом факультете, способных на высоком уровне провести занятия с иностранными студентами по актуальным проблемам социально-экономической, политической, экологической и культурной ситуации в России. Кроме того, между Смоленским гуманитарным университетом и Университетом Мартина Лютера Галле-Виттенберг заключен договор о сотрудничестве, подписанный ректорами обеих вузов, что значительно облегчает координацию совместной деятельности, в том числе по разработке тематики и программ научно-исследовательских и учебных мероприятий.

Выбор темы для летней школы в Смоленске был обусловлен несколькими обстоятельствами, среди которых: 1) историко-культурное и географическое положение Смоленской области; 2) формирование в СГУ одой из крупнейших географических школ России, во главе которой стоят известные географы, профессора, доктора географических наук, руководители кафедр университета: Виктор Шкаликов (заведующий кафедрой физической географии и ландшафтного планирования), Виктор Рудский (заведующий кафедрой экологии и природопользования), Александр Катровский (заведующий кафедрой экономической географии и региональной политики), Михаил Евдокимов (заведующий кафедрой социальной географии и туризма); 3) необходимость развития гуманитарной составляющей современного образовательного процесса. Поэтому В. Рудским и М. Фрюауфом тема летней школы в Смоленске была сформулирована следующим образом: «Смоленск как перекресток восточно-европейской географии, истории, политики в прошлом, настоящем и будущем».

Комплексный характер темы летней школы в Смоленске определил структуру и содержание занятий, которые включали как лекции-презентации в университете, так и многочисленные экскурсии. К проведению занятий с немецкими студентами были привлечены ведущие преподаватели факультета международного туризма и иностранных языков СГУ, а также руководители партнерских организаций (в частности, Александр Кочергин – директор национального парка «Смоленское Поозерье», преподаватели Брянского и Орловского государственных университетов). Немецких студентов постоянно сопровождали переводчица Ольга Лежнева, несколько студентов СГУ и руководитель школы профессор В. Рудский. Студенты-участники летних школ – прослушали лекции о различных аспектах развития Смоленского региона и сопредельных территорий в прошлом, настоящем и будущем, совершили экскурсии по Смоленску и Смоленской области, посетив различные памятные места региона. Эти места связаны как историко-культурными особенностями области (например, места рождения всемирно известных уроженцев Смоленщины – композитора М.И. Глинки, путешественника Н.М. Пржевальского, почвоведа В.В. Докучаева и др.), а также событиями Второй мировой войны. Профессора М. Фрюауф и В. Рудский при разработке тематики и программ школы хотели обратить особое внимание немецких студентов на причины, события и последствия Второй мировой войны на примере Смоленского региона как перекрестка многих явлений и событий в Восточной Европе. Для ознакомления с современной социально-экономической и экологической ситуацией в сопредельных со Смоленской областью регионах немецкие студенты выезжали в Брянскую, Орловскую и Курскую области.

Традиционно для летней школы в Смоленске завершающая часть программы выполняется на территории национального парка «Смоленское Поозерье», который обладает уникальными природными и историко-культурными объектами. Полевые экскурсии позволяют студентам познакомиться с природными и культурными ландшафтами национального парка, образом жизни местных жителей, с помощью анкетирования провести самостоятельное

изучение социальной и экономической ситуации в сельской местности одного из административных районов области.

В результате выполнения всей программы школы студенты получают возможность сочетать получение теоретических знаний с практическими работами и личными наблюдениями во время экскурсий, сравнивать природные, социальные, экономические и экологические аспекты различных частей Смоленской области и сопредельных регионов. Тем самым немецкие студенты – участники школы – не только наблюдают жизнь современной России, но и могут разобраться в причинах и следствиях различных событий как регионального (в пределах Смоленской, Брянской, Орловской и др. областей), так и европейского масштаба. В результате можно уверенно говорить о том, что проведение Летней школы в Смоленске способствует укреплению и развитию дружеских отношений между Германией и Россией – на основе тех знаний, которые представители молодого поколения Германии получают во время своего обучения в России.

И теперь о главных участниках летней школы – студентах, без интереса которых к России проведение школы было бы невозможным. После заявки на проведение летней школы и ее поддержки ДААД для студентов из Германии объявляется конкурс на участие в работе школы. В результате отбора поданных студентами заявок отбираются кандидаты, которые получают грант ДААД на обучение в летней школе. В целом в летней школе в г. Смоленске за три года прошло обучение 33 человека (8 – в 2005 г., 14 – в 2006 г., 11 – в 2007 г.). Студенты представляли разные города и университеты Германии (Бонн, Гамбург, Галле, Потсдам, Берлин, Хемниц, Лейпциг). Среди студентов, проходивших обучение в рамках летних школ в Смоленске, были будущие специалисты в области географии, социологии, истории, педагогики, политологии и др. Руководитель летней школы профессор В. Рудский, а также другие преподаватели, проводившие занятия, отмечают, что немецкие студенты проявляют заинтересованность в работе школы, задают много вопросов, активно участвуют в дискуссиях. Хочется надеяться, что немецкие студенты применят знания о России, полученные в рамках летней школы, в своем дальнейшем обучении и профессиональной деятельности.

Особую благодарность за возможность проведения летних школ в Смоленске необходимо выразить господину Голомбеку и госпоже Вакс, которые курировали организацию и проведение этих школ со стороны ДААД.

Главным результатом проведения летних школ для немецкой стороны можно считать возможность поближе познакомиться с социально-экономическими, политическими и экологическими проблемами Смоленского региона, узнать их изнутри. Российская сторона приобрела большой опыт проведения летних школ и работы с немецкими студентами. Все это позволяет надеяться на продолжение плодотворного сотрудничества Смоленского гуманитарного университета с различными общественными, научными, образовательными и другими немецкими организациями и фондами в интересах развития и укрепления дружественных партнерских отношений между Россией и Германией.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антипова Екатерина Анатольевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии зарубежных стран географического факультета Белорусского государственного университета
E-mail: eantipova@tut.by

Майоршина Светлана Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры иностранных языков географического факультета Московского педагогического государственного университета
E-mail: svmayorsh@mail.ru

Короленко Анна Рустемовна – выпускница кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ, аспирантка СОПС
E-mail: aar12@rambler.ru

Носонов Артур Модестович – доктор географических наук, профессор, Мордовский государственный университет

Евдокимов Сергей Петрович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии Смоленского государственного университета

Аношкин Роман Владимирович – аспирант кафедры экономической географии и региональной политики Смоленского гуманитарного университета.

Баринов Сергей Леонидович – студент 4 курса географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кафедра экономической и социальной географии России
E-mail: azazel-rus@mail.ru

Крамаренко Андрей Владимирович – аспирант кафедры географии мирового хозяйства географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: andreas_kram@web.de

Рудский Виктор Валентинович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой природопользования Смоленского гуманитарного университета

Лысенкова Зоя Валерьяновна – кандидат географических наук, доцент кафедры природопользования Смоленского гуманитарного университета

Фрюауф Манфред – доктор наук, профессор университета им. Мартина Лютера (г. Галле, ФРГ)

Подписка на журнал “Региональные исследования” принимается во всех отделениях связи. Подписной индекс 20442 в “зеленом” каталоге агенства “Роспечать”. Стоимость подписки на 1-е полугодие 2008 г. (3 номера) – 300 рублей.